

АЛЕКСАНДР ЧЕРВАКОВ

ДВЕ СТОРОНЫ

ЧАСТЬ 3. ЧЕЧНЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Черваков

Две стороны. Часть 3. Чечня

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Черваков А.

Две стороны. Часть 3. Чечня / А. Черваков — «ЛитРес:
Самиздат», 2021

Третья часть книги рассказывает о событиях Второй Чеченской войны 1999-2000 года, увиденные глазами молодого офицера-танкиста. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Шоу должно продолжаться...	5
Артезиан	10
Танюша	13
Новошедринская. На арыках	14
Червленная-Узловая	24
Терек	27
Гребенская	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Черваков

Две стороны. Часть 3. Чечня

Шоу должно продолжаться...

29 сентября 1999 года по пыльной дагестанской дороге, разбитой тысячами гусениц и колес военной техники, шла колонна второго мотострелкового батальона, выехавшая несколько часов назад с окраины Аверьяновки. Где-то в её середине лязгала траками первая танковая рота. К каждому второму танку был прицеплен БТР с сидящей на нем пехотой и взвизгивающей на бескрайние, поросшие высохшей травой степи. В Аверьяновке нерабочие БТРы пытались ремонтировать, но некоторые так и не завелись, а взамен заведенных появились другие "мертвые", и сейчас они покрывались толстым слоем белесой пыли, мотылясь на тросах позади танков.

Техника двигалась на север, однако постепенно солнце, светившее в затылок, оказалось слева – колонна повернула на восток. Поначалу путь пролегал среди убранных дагестанских полей и пока не потерявших желтеющую листву деревьев, но вскоре стало попадаться всё больше холмов, с трепетавшей на еще теплом ветру сухой травой.

Командир третьего танкового взвода Александр Щербаков сидел на танковой башне, свесив ноги в люк и без особого интереса наблюдая за однообразным пейзажем. Уже давно на глаза не попадалось ни одного поселка, и вокруг, до самого горизонта, простиралась песчаная степь. Впереди, среди клубов пыли, поднятой колонной, угадывалась колесная техника двух мотострелковых рот и минометчиков, а сзади сквозь пыльную завесу мелькал 158-й танк и торчащая из люка покрытая пылевой маской физиономия механика-водителя Сулейманова. Защитные очки на Сулейманове, как и на других механиках-водителях, отсутствовали, отчего им всё время приходилось щуриться, рискуя въехать в корму впереди идущего танка. Чтобы такого не случилось, танки держали дистанцию метров двадцать-двадцать пять.

Часа два назад 2 МСБ разделился на две половины, первая ушла вперед. Вторая, где помимо колесной техники находились три танка третьего танкового взвода, двигалась в нескольких километрах от хвоста первой. Задача 3 ТВ прежняя – подбирать "мертвые" БТРы, поэтому щербаковские танки замыкали колонну.

У грязно-белой песчаной обочины остановилась вереница военной техники, направлявшаяся в ту же сторону, что и проезжавший мимо мотострелковый батальон. На серых от пыли боевых машинах пехоты сидели такие же запыленные солдаты, приветливо махая руками и что-то крича вслед проходящей колонне. Пыльный борт одной из БМП украшала вопросительная надпись, сделанная чьим-то пальцем: "Карамахи-Кизляр-Волгоград?". Это были земляки, только из другой воинской части и тоже не уверенные, едут ли они домой. Дорога сужалась перед высохшим арыком. Через него перекинулся бетонный мостик с проржавевшими за долгие годы перилами. Рядом с мостом, слева на обочине, стоял армейский Урал пропускавший колонну с наполовину открытой пассажирской дверью кабины. Из кабины торчали ноги с голыми пятками, выставленные в проем окна открытой двери – солдат наслаждался теплым днем, сняв надоевшие сапоги и портянки. Разогнавшиеся "шишарики" и БТРы мотострелкового батальона проскакивали впритирку с открытой дверью, обдувая горячим ветром ноги бойца. Щурившийся от пыли Обухов открытой двери Урала вообще не видел, а Щербаков заметил её слишком поздно, когда времени тормозить уже не было. Александр с ужасом наблюдал стремительно приближающуюся дверь с торчащими в её окошке грязными пятками, чувствуя, что габариты Т-72 не дадут проскочить её незаметно. Дремавший в Урале солдат, услышав грохот несущегося танка, глянул в зеркало заднего вида и в последний момент втянул

ноги внутрь. Многотонная машина со всего размаха ударила левым крылом по двери, отчего дверь, вывернув петли креплений, грохнула о капот и крыло Урала, распахнувшись настежь и, повисев мгновенье, свалилась под гусеницы танка, идущего следом за Щербаковым. «Show must go on, – пробормотал Щербаков, глядя, как в клубившейся пыли удаляются круглые от испуга глаза солдата и пропускавшая их колонна. – Только что-то это шоу уже начинает надоедать».

Солнце клонилось к закату. Съехав на обочину узкой дороги, петлявшей между поросшими редкой травой песчаными барханами, с заглушенными двигателями стояла техника первой половины батальона. За ней стала останавливаться нагнавшая её вторая половина. Двигатели тоже заглушили, и командиры подразделений ушли на совещание, организованное Шугаловым и Бельским. В вечерней тишине раздавались трели сверчков и негромкий говор уставших от долгой дороги солдат. Когда солнце наполовину скрылось за плоским горизонтом, совещание закончилось. Объявили повышенную боевую готовность, в сгущавшихся сумерках расставляли посты по обе стороны колонны.

Наступила ночь. Над степью раскинулось черное небо, усыпанное серебряными крупинками звезд и плывущей среди них убывающей луной. Менялись часовые, подолгу пытавшиеся разбудить своих сменщиков, в темноте порой слышался мат проверяющих офицеров, будивших в свою очередь спящих на постах часовых. И так до утра.

Когда серый рассвет забрезжил над остывшей за ночь степью, батальон вновь ожил. Завтрак из сухая, но приказа выдвигаться нет. Второй танковый взвод под командованием старшего лейтенанта Круглова в составе 5 МСР уехал вперед, растворившись в степи. Весь день батальон провел в ожидании, сидя на бронетехнике и периодически слезая с неё размять ноги. К вечеру от 5 МСР и 2 ТВ никаких вестей. Что с ними случилось? Почему стоим? Никто не мог дать внятного ответа. Ночью снова выставили посты.

Утро. Наконец приказ о выдвигении. Сначала уехала разведка на БРДМ, за ними через полчаса первая часть батальона. Еще через час выдвинулась и вторая часть. Нескончаемые пески опять потянулись вдоль пыльных бортов колонны, теряясь за горизонтом. Дорога ветвилась, петляя меж песчаных холмов, постепенно поворачивая на юг. Вдали показалась полуразрушенная ферма, возле неё пас немногочисленное стадо овец седой старик, одетый в поношенный запыленный плащ и черную папаху. Овцы кинулись от громящей техники в дальний конец загона, старик всё так же остался стоять, опираясь на сучковатый посох и глядя на проезжавшую мимо колонну.

– Отец, до Астрахани далеко? – крикнул ему старший лейтенант-мотострелок, высунувшись из окна тормознувшего около пастуха "шишарика".

– Какой Астрахань? – с кавказским акцентом удивился дед. – Далекое Астрахань.

– Так это Дагестан что ли еще? – переспросил старлей.

– Какой Дагестан? До Дагестан сорок километров граница, – махнув рукой на восток, ответил старик. – Это Чечня.

На первой же остановке весть облетела весь батальон. Чечня! Мы едем не домой! О том, что батальон идет в Чечню знала лишь малая часть офицеров – соблюдая секретность, остальным ничего не сообщили. Молчать дальше стало бесполезно, поэтому замкомандира полка майор Шугалов построил весь батальон на ровной площадке, окруженной со всех сторон песчаными барханами.

«Товарищи солдаты и офицеры, – начал Шугалов, – получен приказ о вводе войск на территорию Чеченской республики Ичкерия. Учитывая неспособность президента Чечни Аслана Мосхадова контролировать ситуацию на своей территории, российским руководством принято решение о проведении военной операции по уничтожению боевиков на территории Чечни. Вся зараза, весь терроризм сейчас сосредоточен в Чечне. Боевикам не удалось подчинить себе

Дагестан, но они вновь пытаются вылезти из своего логова и сеют смерть на территории Российской Федерации, осуществляя теракты, похищая и убивая мирных граждан. Врага нужно добить, и добить окончательно, раз нам это не удалось сделать в девяносто шестом. Приказ получен вчера, и он не разглашался в интересах секретности. Пока конкретных боевых задач нашему батальону не ставится. Мы идем "вторым эшелонем", впереди нас идут внутренние войска. 5 МСР и 2 ТВ находятся в авангарде. Сейчас наша цель выдвинуться в пункт конечного назначения, который будет позже доведен до командиров подразделений, и занять там оборону. С местными жителями в разговоры не вступать, всем находиться в повышенной боевой готовности – по оперативным данным, в этом районе может действовать одна из банд боевиков. Остальное будет доведено на офицерском собрании, – майор посмотрел на часы, – через двадцать минут командирам подразделений собраться у БРДМ разведвзвода».

Батальон гудел, как растревоженный улей. Что дальше? «Вот это поворот, – Щербаков сидел на башне танка, глядя, как ранее расслабленные солдаты, возвращавшиеся домой, заметно напряглись, возбужденно обсуждая последнюю новость. – Может, просто постоим где-нибудь на блокпостах и домой? Может, без стрельбы обойдется?» – лейтенант вспомнил, как однажды в Аверьяновке, заглянув в штабную палатку, он застал офицеров, смотрящих трофейную видеокассету. На экране маленького цветного телевизора бородатые чеченские боевики отрезали головы нашим солдатам, захваченным в плен. В тот вечер он долго не мог заснуть – перед глазами стояли кричащие от боли и ужаса лица русских бойцов. Их так и не дождался дома.

Щербаков нащупал в нагрудном кармане патрон, который в Аверьяновке дал ему командир роты: «Надеюсь, не понадобится».

Батальон вновь разделился на две части. Сначала вдаль укатил "бардак" разведвзвода, за ним ушла первая часть батальона, потерявшись за песчаными холмами. Через час за ней выдвинулась вторая. Так, догоняя друг друга, они двигались до вечера, пока вперед на разведку уходил БРДМ разведчиков.

Солнце садилось за алеющий горизонт, когда третий танковый взвод в составе 6-й мотострелковой роты занял позиции на холмах, возвышавшихся над плоской степью. 172 и 158 танк стояли правее, укрывшись за их крутыми склонами. Карточку огня танка Александр зарисовал в своем блокноте, обозначив ориентиры, секторы обстрела, основную и запасную позиции, хотя особой надобности в этом не имелось. Глядя на догорающий закат, он задумчиво курил "Приму", стряхивая пепел на остывающую броню танка. Из корявых кустов со спальником в обнимку показался усатый замкомандира 6 МСР по воспитательной работе старлей Игорь Вышегородцев, с ним Щербаков познакомился накануне. Они были ровесники, правда, Игорь закончил военно-строительное училище.

– Саша, привет еще раз, – Вышегородцев вскарабкался на броню, – у тебя можно на танке переночевать? Ночью холодно, а у тебя трансмиссия вон прямо печка, до утра не остывает.

– Да не вопрос, Игорян, оставайся, конечно.

– Мы "шишарики" и "бэтэры" в балке спрятали, – расстилая спальник, продолжил Игорь, – там, блин, сырость, комары, а я простыл. Посты на всех сопках выставили, но что тут в голой степи боевикам делать?

– Ага. Сейчас бы сладкого чего. – пробормотал Щербаков. – Сухпай уже надоел.

– Так что ты молчишь? Я щас к себе сгоняю, у меня банка сгущенки запрятана.

Сгущенку съели вдвоём довольно быстро, и пустая банка улетела в темнеющие в сгустившемся мраке кусты. «Как мало нужно для счастья, – засыпая, подумал Щербаков. – Еще бы бэтэры не кусали...»

Ночь прошла без происшествий. До полудня батальон, собранный в длинную колонну, ждал результатов разведки, затем его первая часть ушла вперед, а вторая, с находившимся в её

составе третьим танковым взводом, осталась стоять на пыльной дороге. Часа через три поступил приказ о выдвижении. Сзади 158-го и 172-го танков давно болтались "мертвые" БТРы с сидевшими на них запорошенными белой пылью мотострелками. Колонна медленно змеилась среди песчаных курганов, местами поросших редкими зарослями тамариска и выгоревшей на солнце травой. Ближе к пяти вечера к 157-му танку Щербакова подскочил ГАЗ-66 с сидевшим в нем майором Андреем Бельским.

– Лейтенант, – сквозь грохот танкового двигателя крикнул майор, – давай возвращайся, у нас еще один бэтэр сдох. Надо его зацепить и притащить в пункт конечной дислокации.

– А как же я вас найду? У меня же карты нет! – Щербаков вопросительно смотрел в красное от солнца лицо Бельского.

– Да не ссы, тут одна дорога, а до пункта сбора километров пять всего осталось, давай быстрее, пока не стемнело!

Танк развернулся, нагребая гусеницами бугры белого песка, и полетел в обратную сторону. Через пару километров лейтенант заметил БТР с открытыми люками над силовым отделением. На БТРе копошились две фигуры, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся механиком-водителем и контрактником лет тридцати.

«Слава Богу! – закричал контрактник. – Думал кирдык нам. Давай цепляй, тут геморроя много».

Наученный дагестанским опытом, Щербаков сразу приказал цеплять БТР не за крюки, а через лючок выхода лебедки. Солнце быстро садилось, когда маленькая колонна выдвинулась догонять батальон. Александр вглядывался в колею, оставленную недавно прошедшей здесь техникой, с тревогой поглядывая, как стремительно закатывалось за горизонт багровое солнце. В густеющих сумерках они подъехали к дорожной развилке.

«Обух, тормози!» – крикнул механику Щербаков. Танк, качнув пушкой, остановился. Лейтенант спрыгнул на остывающий песок, глядя то на одну, то на другую дорогу, расходящиеся в разные стороны.

– Куда дальше? – крикнул контрактник, высунувшись из командирского люка БТРа.

– Да хрен его знает. У меня карты нет, а Бельский сказал, тут одна дорога, – лейтенант растерянно смотрел по сторонам.

– Одна дорога? Щас мы к вахам как приедем! Бля, куда поворачивать?

Сашка опустил на колени и, словно индеец-следопыт, стал внимательно рассматривать колеи обеих дорог. В сумерках он едва разглядел, что одна колея, уходящая направо, полузасыпана песком, по второй, видимо, совсем недавно проходила тяжелая техника – песок еще не совсем успел замести отпечатки шин большегрузов и гусениц.

– Налево поедем, скорее всего, эта дорога, – махнул в сторону уходящей на юг дороги Щербаков.

– Может ну его нафиг, до утра подождем? – засомневался "контрабас".

– До утра мы их совсем потеряем – следы песок заметёт, а они, может, утром дальше куда стартанут. Поехали! – лейтенант вскарабкался на башню и запрыгнул в люк. – Толян, налево давай, – скомандовал он.

Танк в сгустившейся темноте продирался сквозь барханы по узкой дороге, периодически останавливаясь на перекрестках. Щербаков, не забывая прихватить автомат, спрыгивал с брони, в свете фар пытаясь разглядеть, куда повернули следы проходившей здесь около часа назад колонны. Иногда следы разветвлялись на обе дороги, и танк поворачивал туда, где, по мнению лейтенанта, следы выглядели глубже и свежее. Вокруг темнота, лишь черное небо с россыпью звезд над головой да мелькающий среди рваных облаков край луны. «Может, не туда свернули, – пробежала порой мысль, – нет, вроде, всё правильно. Вот Бельский сука – "одна дорога здесь", да их тут десятки!»

Вдруг впереди взвилась зеленая ракета, осветив высокие деревья, неведь как оказавшись посреди степи. «Стой! – заорал Щербаков, приказывая механику остановиться. – Выключай фары!» Александр щелкнул тумблер фары-луны, включил прибор ночного видения на командирском прицеле. В черно-зеленом свете прибора он разглядел дорогу, перегороженную шлагбаумом, и стоящий возле неё БТР со знакомым бортовым номером. Возле него залегли несколько солдат. «Свои, блин!» – Щербаков нащупал привязанный в глубине башни СПШ заранее заряженный сигнальным патроном. Выглянув наполовину из люка, он в ответ выстрелил в небо, окрасив песок в зеленый цвет: «Обухов, включи фары и давай потихоньку вперед. Это наши».

Артезиан

Проехав шлагбаум, танк с прицепленным к нему БТРом направился к темневшим вдали деревьям, похожим на запущенный сад или рощу. Свет фар выхватил забор из ржавой сетки рабицы и замершие вдоль него танки первой танковой роты. Дальше в темноте угадывалась остальная техника батальона. Отцепив БТР у стоящих группой бронетранспортеров, 157-й вернулся к забору и остановился рядом с двумя танками своего взвода.

Приказав заглушить двигатель, Щербаков спрыгнул на глинистую землю, сменившую собой сыпучий песок, и направился на доклад к командиру роты Олегу Абдулову. Подойдя к 150-му танку (номер которого еще на погрузке исправили на 159), он наткнулся на ротного механика Гаврилова.

– Где Абдулов? – спросил единственного стоящего на посту танкиста лейтенант.

– Спит он. Сказал, что, если у Вас всё нормально, не будить. И что Вы начальником караула заступаете.

– Ну ладно, пусть спит, – Щербаков собрался уже уходить, как где-то в темноте зазвучали переливы гармошки. Он пошел на звук, наткнулся на кусты, за их ветками увидел группу офицеров, сидевших перед костром на ящиках из-под снарядов. На одном из ящиков стояла бутылка водки и нехитрая закуска из сухпая. Среди офицеров сидел прапорщик и что-то наигрывал на поблескивающем зеленом аккордеоне. Пламя высветило красное лицо командира второго мотострелкового батальона майора Бельского, разливавшего водку по рюмкам, сделанным из минометных колпачков. Офицеры задумчиво смотрели на языки пламени, пуская сигаретный дым в ночное небо и слушая грустную мелодию.

«Ну, с днем рождения, – подняв рюмку, комбат Бельский обратился к одному из сослуживцев, – это тебе не в ресторане где-нибудь. Такой день рождения всю жизнь помнить будешь!» Офицеры, все званием не младше капитана, застучали металлическими рюмками. Бельский, закусив тушенкой, увидел стоявшего с краю Щербакова: «А, лейтенант, приехали? Нормально всё? Ну иди спать, чё стоишь! Давай чего-нибудь повеселее, – уже не обращая внимания на Щербакова, захмелевший майор ткнул кулаком в плечо прапорщика. – Давай "Любэ"!»

А на войне как на войне —

Патроны, водка, махорка в цене.

А на войне нелегкий труд,

А сам стреляй, а то убьют...

Подходя к танкам, Сашка услышал, как песню подхватил нестройный хор голосов:

Комбат, батяня, батяня, комбат,

За нами Россия, Москва и Арбат.

Огонь, батарея, огонь, батальон...

Комбат, ё, командует о-о-о-он...

«Батяня, бля, – подумал Щербаков, – "одна дорога-одна дорога"».

Лейтенант ходил среди танков, пытаясь найти в темноте спящих танкистов и заставить их дежурить в карауле. Наконец это ему удалось сделать, и он, волоча ноги от усталости, отправился на свой танк.

Командир роты Абдулов проснулся среди ночи – крутило живот. Лейтенант слез с теплой трансмиссии и направился в темнеющие кусты. Сидя среди колючих веток, он окончательно проснулся и, безуспешно помучившись еще какое-то время, решил проверить посты. Натянув штаны, Олег пошел в сторону чернеющих танков третьего танкового взвода. Ближайшим на его пути стоял 157-й щербаковский танк. Подходя ближе, Абдулов всё ждал, как его окричит часовая, но вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь хрустом веток под берцами Олега.

Подойдя вплотную к Т-72, в свете луны он увидел прикорнувшего на трансмиссии наводчика Кравченко. Наводчик сопел во сне, а рядом с ним лежал его автомат. Около танковой башни, завернувшись в спальный мешок, спал лейтенант Щербаков.

«Ах ты сука! – Абдулов схватил за ухо спящего Кравченко. – Спишь на посту?!»

Кравченко вытаращил глаза, ничего не понимая спросонья. На шум проснулся лейтенант Щербаков.

«Щербаков, ты дежурный по караулу! Почему у тебя часовые спят на постах! Где Обухов?» – орал комроты.

Из люка механика-водителя показался рядовой Толик Обухов.

«Обухов, "рота подъем"! Бегом всю роту на построение у ротного танка!» – не унимался Абдулов.

«Товарищ лейтенант», – Кравченко, держась за ухо, что-то пытался сказать командиру роты, но тот, отвесив наводчику "леща", вновь схватил его за ухо и поволок на место построения. Когда через десять минут сонная рота построилась, Абдулов вышел перед строем с металлическим коленом танковой антенны в руках.

– Рядовой Кравченко, выйти из строя, – скомандовал командир роты. Кравченко, держась за ухо, сделал два шага вперед и повернулся лицом к сослуживцам. – Вот эта сволочь, – Абдулов указал антенной на наводчика, – спала на посту, подвергая свою, а главное, ваши жизни опасности. Вы, наверное, забыли, что не в Анисовке находитесь, а на территории возможных боевых действий, – комроты размахнулся и со всего маху саданул Кравченко антенной по заднице.

– Товарищ лейтенант, да я... – пытался что-то сказать Кравченко.

– Молчи, сука! – нанося удары антенной и всё больше распаляясь, орал лейтенант.

Наконец экзекуция закончилась. Кравченко лежал на земле, подвывая от боли.

– Так будет с каждым, кто будет спать на посту! Вопросы? – Олег Абдулов свирепо оглядел роту.

– Никак нет! – хором ответили танкисты.

– Разойдись! Так что ты хотел сказать там, Кравченко? – лейтенант наклонился к стонущему наводчику.

– Да это не я должен был дежурить, а Обухов. Я отдежурил, сдал дежурство Толяну, а он, козел, спать лег.

– Ну что я тебе могу сказать? – немного растерялся командир роты. – Разрешаю тебе то же самое сделать с Обуховым, антенна у тебя на танке есть, – и Абдулов, развернувшись, зашагал в сторону своего танка.

До утра Щербаков не мог заснуть после увиденного, бродил среди танков, проверяя часовых, которые после "профилактики" Абдулова дежурили исправно и спать больше не собирались.

Наступило бодрящее прохладой октябрьское утро. Туман, поначалу окутавший всё вокруг, быстро рассеялся, позволив разглядеть окружающую местность. Место, где остановился батальон, на карте обозначалось как "Артезиан" – небольшой оазис в бескрайней степи, заросший колючим кустарником и невысокими яблонями, покрытыми мелкими сморщенными яблочками. В глубине этого одичавшего сада среди камней торчала ржавая труба с лившейся из неё непрерывным потоком чистой холодной водой. Это была заброшенная артезианская скважина. Рядом с ней на большой поляне стояли разрушенная постройка в виде сарая и кирпичный одноэтажный дом с провалившейся крышей. Большую часть поляны окружал забор из проржавевшей и местами порванной сетки рабицы. На этой территории подразделения выставили свою технику в ожидании дальнейших приказов на выдвижение. Мотострелки чинили свои БТРы, танкисты занимались обслуживанием своей техники.

– Долго стоять будем? Слышал чего-нибудь? – спросил на обеде Щербаков старлей Вышегородцева.

– Да откуда же я знаю, Саня, – ответил старлей, жуя надоевшую тушенку. – Может, постоим чуть да всё-таки домой поедем.

– Куда-то наш второй взвод пропал. – Щербаков махнул в сторону неполной танковой роты. – И артиллеристов не видно.

– Ваш взвод с пятой ротой ушел, куда – не знаю. И артбатарея тоже куда-то, – ответил мало осведомленный о передвижениях подразделений Вышегородцев.

– Может, на погрузку по частям отправляют? – с надеждой сказал Щербаков.

– Ага, на погрузку. – усмехнулся Игорь, – Вот только куда?

Танюша

Прошло пару дней. Стояла теплая осень, днем еще жарко, ночи стали гораздо прохладней. Вот и сейчас, укрывшись от жары под тенью корявой яблони, Щербаков от скуки выводил на куске картона красивыми буквами "Private property. For tank № 157 only". Табличку он решил прикрутить на сетку рабицу позади своего танка.

– Вместо того чтобы заниматься личным составом, Вы, товарищ лейтенант, херней какой-то занимаетесь, – лейтенант Абдулов неожиданно появился из-за борта танка.

Сашка вскочил, пряча картонку за спиной и судорожно соображая, что сказать в оправдание, но в голове роилась какая-то каша из "отмазок", и ни одна из них не годилась для ответа.

– Ладно, расслабься. Дай глянуть.

Щербаков протянул недоделанный до конца "шедевр".

– Красиво пишешь. А большими буквами краской написать сможешь? – командир роты посмотрел на Щербакова.

– Думаю, что смогу. А что написать-то? – заинтересовался Александр, почуяв возможность убить надоевшую скуку.

– Нужно написать с двух бортов моего танка "Танюша". Краска белая у меня есть, вот только кисточек нет.

– Да кисточку я смастерю, – с готовностью сказал Сашка, – а почему именно Танюша?

– Жену мою зовут Татьяна, а "Танюша" по аналогии с "Катюшей".

– Это типа как в Великую Отечественную войну "Катюши" были? – улыбнулся Щербаков.

– Вот-вот. Только "Катюши" по фашистам стреляли, а "Танюша" – по боевикам. Но, надеюсь, до этого не дойдет. Пойдем, – и Абдулов зашагал в сторону своего танка.

Кисточки Щербаков сделал из обломков веток, на концах обернув их тканью. Долго примеривался, где написать и какой величины рисовать буквы. Наконец, определившись, что буква в высоту будет две коробки КДЗ, он сначала гвоздем нацарапал на заранее отмытом солдатами борту заглавными буквами ТАНЮША, а затем аккуратно стал обводить их краской. Через несколько часов с обеих сторон танка красовались белые буквы имени жены командира первой танковой роты.

«Надо бы и мне что-нибудь написать, краски еще немного осталось», – подумал Щербаков, сжимая в руках стеклянную литровую банку с остатками краски, отданную Александру довольным его работой Абдуловым. После мучительных размышлений лейтенант решил вывести на большой фаре-луне название села Карамахи на арабском. Порывшись в деревянном ящике, прикрученном к командирскому ЗИПу проволокой, он вытащил из сумки бережно завернутый Коран, подаренный ему в Карамахах бойцами спецподразделения на День Танкиста. На внутренней стороне обложки спецназовец Тарас на арабском написал названия селений, где совсем недавно проходили бои – Карамахи, Чабанмахи и Кадар.

Отмыв круглый щиток, закрывающий стекло фары-луны, Александр старательно вывел простым карандашом замысловатую арабскую вязь, обозначающую название Карамахи, и затем обвел её белой краской. Полюбовавшись своим произведением, он заключил надпись в белый круг по краю щитка и, удовлетворенный работой, прикрутил его на место: «Ну вот, так красивее будет».

Новошедринская. На арыках

Утром после завтрака поступил приказ собраться в колонну и готовиться к выдвиганию. Батальон засутился, разбирая установленные несколько дней назад палатки и распахивая своё имущество по грузовикам и БТРах. Скрывшись за песчаными холмами, укатил на разведку БРДМ разведвзвода. К обеду команда выдвигаться.

Колонна двинулась на юг, покидая Артезиан с его запущенным садом и прозрачным источником. Техника опять пробиралась среди песчаных барханов, постепенно сменившихся полями, в большинстве своем заброшенными, заросшими высокой травой. То и дело на пути стали попадаться арыки, частью сухие, покрытые по бетонным краям высохшей тиной. Показался неширокий канал с журчащей водой и соединявшим его берега маленьким железобетонным мостом. Миновав его, колонна остановилась в давно не паханном поле среди засохших сорняков, вымахавших по пояс. В командирский прицел между стволов деревьев угадывались крыши какого-то селения, левее темнела роща с еще зелеными ветвями. В сторону села уехала разведка.

Через час разведчики вернулись и колонна, не заходя в село, двинулась в сторону верхушек зеленеющей рощи. Совсем скоро батальон остановился на берегу небольшого канала с берегами, выложенными бетонными плитами, меж них кое-где пробивались пучки высохшей травы. От канала в обе стороны отходили ветви арыков. Танку Щербакова было приказано занять позицию рядом с большим раскидистым дубом, в углу изгибающегося буквой L арыка, поросшего по берегам высокими деревьями, кустарником и сухими камышами.

Метрах в ста от 157-го, также у арыка, занял позицию 158-й танк, между танками расположилось мотострелковое отделение. На берегу другого арыка, невидимый за густым камышом, стоял 172-й танк третьего щербаковского взвода. Танки командира роты, первого танкового взвода и вернувшегося второго расположились на берегу канала с перекинутым через него в стороне подвесным железным мостом. Грунтовая дорога через мост вела в направлении крыш селения, прятавшихся за начавшей желтеть зеленью деревьев. К вечеру второй мотострелковый батальон и приданная ему первая танковая рота, окопавшись, заняли оборону на окраине станицы Новошедринская.

Отвал для самоокапывания на 157-м был оторван еще в горах Дагестана "умелыми" действиями капитана Пермякова, поэтому окоп для него отрыл танк № 172, под управлением недовольного механика-водителя Марченко – ему еще предстояло вырыть окоп для своего танка. Наконец 172-й укатил в сторону своего расположения, где уже что-то жарили на костре остальные члены его экипажа – сержанты Гири и Стеценко.

Обухов загнал танк в пахнувший свежерытой землей окоп и заглушил двигатель. Справа над башней нависали ветви начавшего желтеть дуба, по левую сторону далеко вперед тянулась густая чаща камыша, которым густо поросли берега арыка. Сзади тоже высились его высокие желто-зеленые стебли, а впереди заросшее сорняками поле с чернеющей вдали лесополосой. Пока Щербаков рисовал карточку огня танка, то и дело прикивая к командирскому прицелу, Кравченко и Обухов развели костер и принялись разогревать осточертевшие всем консервы сухая.

Когда почти стемнело, Щербакова вызвали на собрание командиров взводов танковой роты. Лейтенант Абдулов "нарезал" задач на следующий день, в том числе приказал осушить наружные баки – перелить из них солярку во внутренние, вырыть окоп для дополнительного сектора обстрела, почистить оружие. Дежурного по караулу назначать не стали – приказ: «каждому экипажу самостоятельно дежурить на своей позиции».

«На "мабуту" надежды нет. – сказал лейтенант Абдулов про пехоту. – Эти обезьяны спят на постах постоянно, поэтому охрану осуществлять силами экипажа и командирам взводов самостоятельно проверять свои танки. Пароль на сегодня по батальону "восемь"».

Собрание закончилось. Лейтенанты еще чуть поговорили, в основном о завтрашних делах. Абдулов рассказал, как ходил с командиром 4 МСР Димой Кушнировичем и контрактником из разведвзвода в Новошедринскую за сигаретами и что в селе не очень-то дружелюбно настроены – сигареты продавать отказались. Продавец чеченец демонстративно собрал разложенные на лотке сигаретные пачки, посоветовав купить сигареты "у себя в расии, вася" и "вабще чо приехали, кто вас звал".

К своему танку Александр возвращался в полной темноте, спотыкаясь о невидимые кочки и коряги, периодически отвечая на окрики часовых.

– Стой, три! – раздавалось в ночи.

– Пять, – отвечал Щербаков, мысленно сложив 3 и 5, чтобы получить пароль 8, и продолжал брести в сторону, где прятался в окопе 157-й.

На ужин остывшая рисовая каша с тушенкой и кисловатый отвар из ягод терна, в изобилии растущих по берегам арыка.

Щербаков, не надеясь на Обухова с Кравченко, решил первым заступить на дежурство, хотя, как офицер, имел полное право этого не делать. «Простою, сколько смогу, – подумал Александр, – а потом разбужу кого-нибудь дальше стоять».

Ночи стали прохладные, а тут еще новая напасть – огромные комары, полчищами вьющиеся над арыком. Чтобы хоть как-то спастись от жалящих насекомых, лейтенант застегнул все пуговицы на камуфляже, поднял воротник, надел на голову шерстяную камуфлированную маску с узкой прорезью для глаз, закрыв шею. В завершении он раскатал не по размеру длинные рукава, полностью спрятав туда руки и, наполовину высунувшись из командирского люка, стал вглядываться в кромешную темноту. На едкий дым дешевых сигарет, выданных днем по пачке на человека, комары никак не реагировали. Сзади на трансмиссии, не обращая внимания на жалящих паразитов, храпели наводчик и механик-водитель.

Периодически Сашка нырял в люк, включал прибор наблюдения командира ТКН-3Б и пытался что-нибудь рассмотреть в черно-зеленом мельтешении. Под утро Щербаков с трудом разбудил на дежурство наводчика Кравченко. Тот нехотя перелез с теплой трансмиссии в свой люк. Выкурив очередную вонючую сигарету, Щербаков завернулся в расстеленный на трансмиссии спальник и сразу заснул, не снимая маски с лица. Убедившись, что командир спит, Кравченко поудобней устроился на своём узком сиденье и тоже продолжил прерванный сон.

Наступил очередной день службы. До обеда переливали остатки топлива из наружных баков во внутренние, затем Марченко отрыл запасной окоп для щербаковского танка. Подошло время обеда.

Зампотыл Газарян где-то раздобыл картошки, а может, она и была, да кто же её готовить будет во время марша? В обед её стали раздавать по подразделениям. Олег Кравченко притащил с хозвзвода сетку с мелкой, не первой свежести картошкой и газетный кулек с сахаром.

– Давайте что-нибудь приготовим. – предложил он. – Картошку пожарить можно, а то от этого сухая тошнит уже.

– А на чем ты жарить будешь? – спросил его Щербаков. – Сквородки-то нет.

– У нас в ЗИПе шесть цинков с патронами 5,45 лежит. Мы уже почти два месяца тут, а только один открыли. Можно в цинке приготовить, – ответил наводчик.

Крышку цинкового ящика отрезали большим кухонным ножом, завалившимся в ЗИПе механика, патронами дополнили магазины, а оставшиеся высыпали в арык, "чтобы врагам не досталось". В то, что патроны в дальнейшем могут понадобится, никто не верил, а учет боеприпасов никем не велся. На разведенном костре долго обжигали защитно-зеленую краску с ящика, соскабливая обгоревшие чешуйки ножом. Наконец "сковородка" готова. Обухов за

это время начистил картошки. Масла взять негде – вместо него в "сковородку" вывалили две банки тушенки с большими кусками белого жира, сверху наложили картошки, от души посыпанной крупной солью. Через некоторое время жаренная картошка с тушенкой была готова. Обжигаясь, экипаж ел её прямо из цинкового ящика, закусывая черствым хлебом. Еще никогда еда не казалась Щербакову такой вкусной. Цинк быстро опустел, дочиста выскобленный алюминиевыми ложками. Завершил этот великолепный обед отвар из терна с сахаром. После обеда чистка оружия и бесцельное сидение на башне в ожидании вечера и мыслями «когда же домой?».

Так прошло несколько дней. На обед Кравченко с Обуховым что-нибудь готовили из картошки – жарили или варили в том же цинке, из брикета гороха и тушенки делали "суп", пока картошка не кончилась. Вновь перешли на сухпай. Несколько раз Абдулов устраивал занятия по ТТХ Т-72Б, а также учебный "пожар в танке", когда по команде экипаж на время должен с оружием покинуть танк и отползти от него на определенное расстояние. Наравне с солдатами Абдулов гонял и командира взвода Щербакова. Больше всего Сашку злило, что командир второго взвода Вадим Круглов в этой экзекуции не участвовал, и такое неравное отношение Абдулова к командирам взводов очень расстраивало Щербакова.

Слухи о скором возвращении домой приутихли, сменившись тревожными вестями. На офицерских собраниях "замполитом" Сергеевым доводились скупые боевые сводки. Федеральные и внутренние войска начали вступать в открытые столкновения с бандформированиями, неся потери. Первые "двухсотые" отправились в цинковых гробах на родину, где их живыми ждали родные и близкие, "трехсотые", которым повезло чуть больше, разлетались в "вертушках" по госпиталям. Пару дней назад, 4 октября, при штурме станицы Червленной погибли пятнадцать солдат, около тридцати были ранены. А до Червленной по прямой отсюда всего 17 километров.

Батальон находился в постоянной боевой готовности. Командир батальона отдал приказ – наблюдатели на каждом танке, в каждом подразделении должны дежурить круглосуточно. По ночам Щербаков по-прежнему вёл наблюдение, не доверяя экипажу. Порой в ночи сквозь стрекот сверчков и монотонное гудение комариных полчищ едва слышно угадывались не то далекий грохот снарядов, не то гул грома. К утру лейтенант, закусанный комарами и одуревший от бессонной ночи и десятка выкуренных дешевых сигарет, будил Обухова или Кравченко и отключался, заснув, сидя на своём узком командирском сиденье с вытянутыми на НСВТ ногами.

Раннее утро – самое опасное для нападения время, но большинство часовых батальона со второй половины ночи начинали клевать носом и засыпать, даже не сдав дежурство. Почти всегда сразу после начала заступления на пост Обух с наводчиком тоже укладывались поудобнее, чтобы проспать до утра. Многие солдаты до сих пор не понимали, что мирное время давно кончилось и 2 МСБ находится на войне. Но батальону пока везло – на него никто не нападал в утренних сумерках, и в боевых действиях он не участвовал.

Через несколько дней весть о событиях в Червленной дошла до батальона. На офицерском собрании капитан Сергеев рассказал о штурме станицы 4 октября, о трех десятках раненых, о погибших солдатах, расстрелянных из снайперской винтовки. В захлебнувшейся атаке они залегли, прячась в высокой траве, но армейские каски, блестящие в восходящем солнце, служили отличным ориентиром для чеченского снайпера. Пятнадцать парней больше не смогли поднять головы от залитой кровью земли.

Командир батальона в очередной раз объявил полную боевую готовность. Доведено, что красная ракета – команда к бою, определены основные и запасные частоты для связи. После собрания майор Шугалов приказал всем подразделениям, имеющим каски, обшить их камуфлированной тканью. Каждый выходил из положения, как мог. В ход пошли старые "комки",

латки с локтей и колен, обрывки брезента – всё, чтобы каска не блестела на солнце. У танкистов касок не имелось, но командир роты как следует приказал замаскировать танки ветками и камышом. Экипажи, устав от безделья, занялись маскировкой с большим энтузиазмом, так что к вечеру танки можно было разглядеть только с близкого расстояния.

Вечером 8 октября Щербаков заступил на дежурство. Впереди в сумерках темнели далекие деревья лесополосы, сзади и слева шелестел камыш над арыком, на трансмиссии слышался храп механика и наводчика.

«Когда же всё это кончится? – тревожные мысли копошились в давно не мытой голове лейтенанта. – Говорили на пару месяцев в Дагестан, а тут уже больше трех и такой поворот», – он закурил очередную "Приму". Тянулись минуты, перетекавшие в часы. В небе сквозь рваные облака просвечивал тонкий серпик убывающей луны. Комаров стало меньше, поэтому спать хотелось сильнее обычного, да и бессонные ночи давали о себе знать. Почти провалившись в сон, Щербаков услышал в стороне штаба батальона звук выстрела, затем прозвучала автоматная очередь, в небо взвились огоньки трассеров, и за ними взлетела сигнальная ракета, осветив окрестности малиново-красным цветом. В груди что-то ёкнуло: «Красная ракета!»

«К бою! – заорал лейтенант, совершенно очнувшись от сна и глядя, как догорает падающая за арыки красная звезда. В стороне загрохотал танковый двигатель, за ним еще один. Щербаков спрыгнул на трансмиссию: – К бою! – он с силой ударил ногой в бок завернутого в спальник и сладко спавшего механика, сдернув второй спальник с наводчика, он схватил за шиворот открывшего глаза Кравченко. – Олег, просыпайся, бя! Команда к бою!»

Обухов, спотыкаясь в темноте, кинулся к своему люку, Кравченко запрыгнул в свой. Сашка забрался на своё место командира, захлопнув за собой крышку люка. Сердце бешено колотилось, а живот предательски скрутило. В этот момент танк загрохотал дизелем, выкинув в ночное небо столб сизого дыма. Натянув шлемофон, Щербаков щелкнул тумблером радиостанции.

– Тридцатый, приём! – сразу услышал он в наушниках злой голос Абдулова.

– На приёме тридцатый, – ответил лейтенант.

– Почему на связь не выходишь? Где Прокат 31? Почему не отвечает? Команда к бою!

– На приёме Прокат 31, – прорвался голос командира 158 танка сержанта Акунина.

– Всем наблюдать! В случае обнаружения противника немедленно доложить мне. Как поняли? Приём! – голос командира роты в шипении радиопомех.

– Понял тебя, ноль первый. На приёме десятый, – донеслось из наушников.

– Ноль первый, понял тебя, – невозмутимый голос Вадима Круглова. – На приёме двадцатый.

– Понял тебя, ноль первый. Прокат тридцать на приёме, – Щербаков, вертя командирской башенкой, вглядывался в мельтешащий зеленью прибор ночного видения. Слева схватился за "чебурашку" и прилип к прицелу наводчик Кравченко. В ночнике угадывались контуры лесополосы, слева светлела стена камыша. Вдали показывались и исчезали какие-то черные точки. Что это – противник или помехи прибора? Живот крутило всё больше. Неужели началось? Вот оно! Что делать? Руки предательски дрожали.

«Альбатрос, Альбатрос! – зазвучал в наушниках циркулярный позывной для всех подразделений батальона. – Наблюдать в сторону противника!»

За грохотом дизеля ничего не слышно, стрелял ли кто снаружи – неизвестно.

– Товарищ лейтенант, двигатель греется, – через какое-то количество томительных минут по внутренней связи сообщил Обухов.

– Почему греется? – лейтенант сильнее прижал ларингофоны к горлу.

– Не знаю. – прокричал механик, – Может, двигатель заглушить? А то вдруг клинётся!

– Погоди, – слабая надежда мелькнула в голове Сашки. Он повернул ручку люка и чуть приоткрыл его, выглянув в кромешную тьму. Страх, что какой-нибудь боевик сидит на башне с ножом, мешал Щербакову вылезти наружу. Лейтенант нащупал в темноте автомат, передернул затвор, предварительно сняв с предохранителя. Просунув ствол автомата в узкую прорезь люка, он резко откинул его крышку и выглянул наружу. На башне никого не было, а на трансмиссии лежали два развернутых спальника, не давая как следует охладиться разгоряченному двигателю. Сашка, спрыгнув на пышущую жаром трансмиссию, скинул спальники на остывшую землю и снова нырнул в люк, захлопнув его за собой.

– Обух, глянь температуру! – прижав ларингофоны, крикнул Щербаков.

– Падает, товарищант! – обрадовано сообщил механик. – Уже почти нормально!

Танк тарыхтел двигателем, в ночнике по-прежнему только мельтешение точек. Щербакову постоянно чудилось какое-то движение в районе лесополосы, начавшей затягиваться зеленым туманом, но ближе всё так же виднелся пустой кусок луга и качающиеся в легком ветерке камыши. Прошли еще томительных полчаса. В наушниках вновь раздался голос лейтенанта Абдулова: «Всем "Прокатам" заглушить двигатели! Наблюдать в сторону противника. Быть постоянно на связи. Как поняли? Прием!»

Командиры танков поочередно докладывали о том, что двигатели заглушены и экипажи на связи. Танк № 157 тоже замолчал. Щербаков вылез из люка в начинающую светлеть на востоке темень, осторожно положил автомат рядом на командирский ЗИП. Вытащив дрожащими пальцами сигарету из помятой красной пачки и закурив, он стал вглядываться в белесые волны тумана, едва различавшиеся в холодных утренних сумерках. Огонёк сигареты Сашка прятал в кулаке, укрываясь за откинутым люком. Вокруг стояла глухая тишина, даже обычного пенья птиц не слышно. Из своего люка, поёжившись, выглянул Кравченко: – Что, отбой воздушной тревоги? – попытался пошутить он.

– Ты давай вперед смотри и по сторонам тоже, – одернул его Щербаков. – Спице на постах, никакой надежды на вас нет!

– Да я не сплю, – не особо отпираясь ответил наводчик, – я наблюдаю, – и он тоже уставился в белую стену тумана.

– Вот и наблюдай. Разбудишь, если что, – лейтенант скрылся в люке, прикрыв его за собой. Из-за нервного напряжения очень тянуло в сон, и Щербаков почти сразу вырубился. За ним заснул и Кравченко, примостившись на разогретой за ночь трансмиссии.

Сегодня наконец-то сварили обед на батальонной полевой кухне. На завтрак перловка с сухарями. Полусладкий чай, успевший остыть, разогревали на костре в алюминиевом котелке. Обсуждали ночную тревогу. Какая она, учебная или боевая, так никто и не понял. К обеду хоззвод установил в молодой рощице большую палатку. В ней устроили "баню", точнее, душ с теплой, почти горячей водой. Весь день подразделения ходили мыться, кто-то успевал постирать свою форму.

Дошла очередь и до третьего танкового взвода. Это, конечно, не в ванне лежать, но после стольких дней жары и пыли душ показался райским наслаждением. Обрато Щербаков шел в только что выжатой отстиранной форме. Всю мокрую одежду по приходе он развесил сушиться на танковой пушке, оставшись в одних семейных трусах и гражданской футболке.

Сидя на башне, лейтенант грелся на послеобеденном солнце и курил последнюю оставшуюся на троих сигарету. Вдруг впереди он заметил какое-то движение. Прищурившись своими подслеповатыми глазами, Сашка рассмотрел мальчика-подростка лет десяти, через луг направлявшегося к танку. В руках пацан нёс небольшую пластиковую канистру. Где он прошел, если батальон занял круговую оборону? Подтянув к себе автомат, Щербаков снял его с предохранителя: – Эй, ну-ка стой! Ты кто такой? Чего надо?

– Э, русский, не стреляй! Дай солярки! – остановившись, закричал мальчишка.

– Зачем тебе солярки?
– В движок заливать, чтобы свет дома был, – ответил он.
– А ты нам сигарет принеси, мы тебе солярки, – на землю с трансмиссии спрыгнул Кравченко. – Давай, один литр – пачка.
– Нету сигарет, есть только у дедушки табак.
– Ну тащи табак. Принесешь, нальем тебя соляры.
Мальчик повернулся и пошел в обратную сторону.
– Вот, Кравченко, средь бела дня чехи прямо к танку приходят, а вы еще и ночью спите, – Щербаков повернулся к наводчику.

– Да мы не спим, – опять слабо возразил Кравченко.
Через пару часов, когда солнце клонилось к закату, вновь пришел чеченский мальчик и принес две небольших пачки табака, оказавшегося нюхательным.

– Ты чего принес? Его же нюхать надо, а не курить, – повертев в руке пачку сделанного еще в РСФСР моршанского табака, Щербаков протянул его мальчишке обратно.

– Да ладно, товарищ лейтенант, скурим. Сигарет-то вообще никаких нет.
– Ладно. Обухов, накачай ему канистру, там всего литров пять, – Щербаков надорвал бумажную упаковку табака. – Олег, давай тащи газету, сейчас самокрутки делать будем.

– Ты тут смотри ночью не ходи, – закуривая вонючую "козью ножку" сказал лейтенант папану. – А то мы стреляем без предупреждения. Это тебе повезло, что мы не стреляли.

Подхватив пахнущую соляркой канистру, чеченский мальчик удалился в сторону лесополосы с видневшейся за ней окраиной Новошедринской.

Прошло еще несколько дней. Боевых тревог и нападений пока что не случалось, но обрывки информации о боях в окрестностях постоянно циркулировали в батальоне. Не менее обсуждался и вывод батальона из Чечни. Ходили слухи, что 2 МСБ будет менять какой-то другой батальон. Называли даже номер полка с входившим в его состав этим батальоном, но замены всё не было, и мифическая дата отправки домой отодвигалась всё дальше и дальше.

Из скудных событий запомнилось, как двумя танками вытаскивали третий, по катки засевавший в трясины около одного из арыков. А получилось так – окоп для танка вырыли слишком близко к арыку, и за все эти дни земля пропиталась влагой. При попытке выехать из окопа танк под собственной тяжестью сел на брюхо, наворотив вокруг себя кучу грязи. Сначала застрявший 172-й тянули одним щербаковским танком, зацепив его корму двумя тросами крест-накрест. Но 157-й рыл землю гусеницами, сам потихоньку закапываясь во влажно-зыбучий грунт до тех пор, пока один из толстых стальных тросов не лопнул. Затем к делу подключился 158-й, и объединенными усилиями сидевший в грязевом плену танк наконец-то сдвинулся с места, мало-помалу вылезая на сухую землю.

Еще в батальон приехали командированные контрактники из музыкального взвода полка, давали концерт для солдат и офицеров. Но экипаж Щербакова на концерт не попал, занятый вытаскиванием танка. Вечером всех музыкантов "расквартировали" по подразделениям. Один из них, гармонист, пришел ночевать на щербаковский 157-й. Тут и состоялся мини-концерт для танкового экипажа, прямо на танковой трансмиссии.

Нюхательный табак весь выкурили. Скурили на троих последнюю, припрятанную Щербаковым в недрах танка, "беломорину" с надписью на ней красной ручкой "Это последняя папироса. Выкурить в крайнем случае!". Пробовали курить сухие листья, высушенные на костре – гадость полная... Сашка в очередной раз пожалел, что когда-то начал курить.

Старошедринская

12 октября батальон занимал круговую оборону в нескольких километрах от прежнего места – на окраине соседней станицы Старошедринской. 2 МСБ окапывался на огромной поляне, окруженной редкими деревьями, слева тянулась ветка железной дороги, укрытая за

густой лесополосой, справа блестели мутной водой небольшие каналы. Вдали виднелась окраина станицы. Танки первого и третьего танкового взвода вновь раскидали по взводам 4-й и 5-й мотострелковых рот, они опять находились на большом удалении друг от друга. Второй танковый взвод вместе с 6-й мотострелковой ротой выдвинули на несколько километров левее, вниз по течению Терека. Танкисты с мотострелками заняли оборону на берегу, контролируя речную переправу, через которую почти непрерывным потоком текли беженцы северных районов Чечни.

Сидя на башне своего танка, Александр вглядывался в темнеющую впереди лесную чащу. До ближайшего дерева-ориентира лазерный прицел-дальномер определил расстояние в 750 метров, справа лес подобрался еще ближе. Судя по карте, где-то за лесом, в нескольких километрах, неспешно катил свои воды Терек.

За танковым окопом механик и наводчик вырыли перекрытую щель. В неё мог спрятаться экипаж в случае, если танк будет выведен из строя. В качестве перекрытия Кравченко с Обуховым навалили на траншею обломки досок и присыпали всё рыжей глиной. Щель прорыли до высохшего арыка, он начинался сразу за танком и тянулся до железной дороги. Его берега заросли кустами и старыми осинами, самая большая из них своими ветвями нависла над Щербаковским танком.

Поляна вновь напоминала небольшую деревушку с брезентовыми палатками вместо домов. Повсюду стояла бронетехника, грузовики и кунги, по периметру рассредоточились танки первой танковой роты, грозно глядевшие по сторонам зачехленными пушками. В большой ротной палатке организовали офицерскую столовую. Завтрак, обед и ужин, как положено – на тарелках. Солдаты так и ели из котелков, еду им разносили по подразделениям в двенадцатилитровых термосах.

Рядом со штабной палаткой на врытой в землю перекладине висела большая артиллерийская гильза. На утреннем построении командир батальона Бельский довёл: медленные удары по гильзе – сбор командиров, частые – учебная команда "к бою", зеленая ракета – общий сбор батальона на построение, красная ракета – команда "к бою". После построения прошло не более часа, как Щербаков, стиривший в арыке своё нижнее бельё, увидел зеленую ракету, взметнувшуюся ввысь, затем донеслись неспешные удары по гильзе. Чертыхаясь и на ходу отжимая недостираемые трусы, лейтенант поспешил на место построения. Мимо по дороге проскочил "бардак" разведчиков и спешащий за ним МТЛБУ с медицинским крестом.

– Чё за кипишь? – спросил он у старшего лейтенанта Тодорова, строившего свой мотострелковый взвод.

– Да кто его знает, может, проверяют, как сигналы поняли.

Батальон построился, на середину вытоптанной поляны вышел майор Бельский, вытащив за собой солдата. Боец был без автомата, стоял сгорбившись, низко опустив голову.

«Товарищи солдаты и офицеры, сколько раз говорилось о технике безопасности при обращении с оружием! – повышая голос начал Бельский. – Вы что, дебилы что ли? – майор вращал головой, оглядывая ряды стоявших прямоугольником подразделений. – Вот стоит обезьяна из 5-й мотострелковой роты, – он ткнул своим толстым пальцем в понуро стоящего бойца, – которая теперь будет помогать своему другу детей делать. А знаете почему будет помогать? Потому что эта обезьяна только что прострелила яйца своему другу, и самостоятельно детей друг уже не сделает. Его только что отправили в госпиталь. Тебя не учили автомат на предохранитель ставить? – обратился он к унылой "обезьяне". – Сегодня во всех подразделениях провести подробный инструктаж и доложить мне лично. И второй вопрос – о воинской дисциплине. По имеющимся у нас данным, из 255 МСП ушли с оружием двое бойцов – рядовые Хлудов и Давлевший. Сейчас их ищут, но мы с вами находимся не дома, а на территории, где идут боевые действия, так что хорошо, если эти два дебила на своих набредут».

Через несколько дней на построении сообщили, что обезглавленное тело Хлудова было обнаружено на берегу Терека, второй боец так и не был найден.

По ночам Щербаков, как и прежде, дежурил наравне с экипажем, разбив ночь на три части. Кравченко и Обухов постоянно засыпали на посту, Щербаков, зная это, не мог спокойно уснуть, постоянно просыпался, вылезал из своего люка и будил прикорнувшего на трансмиссии часового. Затем сам вставал в караул под утро – в самое тяжелое время, когда больше всего клонит в сон.

Спать не давали и периодически покусывающие "бэтэры", от которых не было спасения. С платяными вшами, заразившими практически весь батальон, каждый боролся, как мог. Лучшее средство от них – прожарить военную форму в автоклаве, но его в наличии не имелось, второй способ – прокипятить всю одежду, но для этого нужна "сменка" для переодевания, отсутствующая у большинства личного состава. Оставался третий способ – в свободное время давить этих гадов ногтем, отыскав в складках одежды и положив на другой ноготь.

В батальон приехал командир полка полковник Чебышев. На построении батальона сквозь дующий с Терека ветер доносились обрывки его фраз про выполнение боевых задач, поставленных командованием округа, и долга перед Родиной. Он важно прохаживался перед строем в начищенных до зеркального блеска берцах, порой дотрагиваясь до своих черных усиков рукой в кожаной перчатке. Затем вышел майор Шугалов, довел обстановку в районе станицы Червленная-Узловая. Там шли бои между боевиками, состоящими из наемников разных национальностей, и внутренними войсками, действующими совместно с федеральными. Обе стороны несли большие потери. Вышестоящее командование отдало приказ провести разведку в районе железнодорожной станции Червленной-Узловой, находящейся в девяти километрах юго-восточнее Червленной, и выдвинуть часть батальона на помощь войскам, ведущим бои около станицы.

Пасмурным осенним утром на разведку выехал БРДМ разведвзвода и ГАЗ-66 с сидящими в кузове разведчиками. Слева от башни "бардака" восседал сам Чебышев, держа в руках развернутую карту местности, справа башни сидел начштаба майор Станкевич. Необходимо было обнаружить противника и передать координаты его позиций артбатареи, по первому приказу готовой выпустить свои 152-миллиметровые снаряды по боевикам. Мини-колонна продвигалась в сторону станции Червленной-Узловой по узким, неезженным проселочным дорогам, продираясь сквозь ветви разросшихся кустов и деревьев, порой выезжая на заросшие сорняками поля. Машины остановились на опушке густого леса. Где-то за ним, километрах в двух по прямой, скрывалась станция.

«Через лес не пролезем, – взглядываясь вдаль и сверяясь с картой, сказал Чебышев. – Надо аккуратно вот по этому проселку проехать, – он ткнул в тонкую линию на карте, – окажемся на северной стороне станции, там и посмотрим».

Разведка двинулась по проселку, слева желтел поредевшей листвой осенний лес, справа тянулись заброшенные поля. Вскоре показались постройки окраин, как вдруг оттуда раздались автоматные выстрелы в сторону колонны.

«Стой! – заорал Чебышев. – Давай левее, жмись к лесу!»

Бардак и "шишарик" вывернули колеса влево, но к лесу мешал прижаться старый арык с блестящей сквозь опавшие листья стоячей водой. Разведчики попрыгали на землю и залегли на обочине. Чебышев, спрятавшись за бортом БРДМа, судорожно шарил пальцем по карте, пытаясь определить местонахождение.

– Рацию мне! – комполка протянул руку за шлемофоном Станкевичу. – Оркестр! Оркестр! Это Арзамас! – полковник вызывал артбатарею.

– На приёме "Оркестр", – донеслось из наушников.

– Оркестр, нанести огонь по квадрату... – Чебышев, глядя в развернутую карту местности, перечислил ряд цифр "по улитке", – Как поняли, приём?

– Понял тебя, Арзамас. Минутная готовность.

Со стороны станции доносились выстрелы, но пули ложились правее, кося сухие сорняки. Станкевич развернул свою карту, пытаясь "вычислить" координаты, названные Чебышевым.

– Товарищ полковник, – майор округлившимися глазами посмотрел на Чебышева, – Вы только что наши координаты назвали!

– Чего? – на понял командир полка.

– Наши координаты! Где мы сейчас находимся, а не боевики! Оркестр сейчас по нам долбанет!

Тут смысл сказанного дошел до Чебышева. – Бля! Оркестр! Оркестр! Отставить огонь! – но в наушниках только шипение, связи нет. – Оркестр! Валим отсюда! – заорал Чебышев, заскакивая на броню "бардака". – По машинам! Быстро отходим!

Разведчики, еще не понимая, чем вызвано столь резкое отступление, на ходу забирались в разворачивающийся "шишарик". Когда колонна неслась в обратном направлении, прыгая на ухабах, по месту, где она стояла еще минуту назад, ударили первые залпы САУшек. Осколки свистели над пригнувшимися к башне Чебышевым и Станкевичем, а связь с "Оркестром" всё не появлялась...

– Станкевич, ты про этот "косяк" смотри в штабе не расскажи! – сказал майору Чебышев, когда они уже подъезжали к расположению батальона.

– Товарищ полковник, я – могила. Надеюсь, разведчики ничего не поняли...

После обеда лейтенант Щербаков построил свой взвод по приказу командира роты. Абдулов придирчиво осмотрел внешний вид танкистов. Начал он про обстановку в районе, потом про воинскую честь и долг перед Родиной, затем, вставив пару замечаний по форме одежды и отвесив подзатыльник чумазому механику Обухову, приказал готовить танки к боевому выходу.

Все встретили это известие по-разному – кто заметно нервничал, ведь неизвестно, что случится завтра, а вдруг ранят или убьют, кто радовался, устав от унылого пребывания на одном месте и почуяв возможность чего-то нового, о чем будет потом рассказать в жизни. Щербаков воспринял всё это с определенным чувством тревоги. Он не боялся быть раненым или погибнуть – больше всего его страшило попасть в плен и подвергнуться пыткам и унижительному убийству, виденным им на трофейной видеокассете. Помогая готовить танки, Александр периодически нащупывал "последний" автоматный патрон в нагрудном кармане, подаренный ему Абдуловым еще в Дагестане.

Изначально на штурм Червленной-Узловой планировался выехать 1 ТВ, но при очередном ТО оказалось, что танки первого взвода нуждались в дозаправке трансмиссионным и моторным маслом, отсутствующим на складе ГСМ в данный момент. Решено было оставить 1-й танковый взвод в обороне мотострелкового батальона, а на Червленную отправить 4-ю мотострелковую роту и приданные ей на время операции два танка 3-го танкового взвода.

Весь оставшийся день танкисты провели, готовя танки № 157 и № 172 к выходу – догружали ленты с патронами для ПКТ, проверяли крепления бортов и КДЗшек, связь между собой и 4 МСР. К вечеру заправили до максимума внутренние баки солярой из топливозаправщика и получили сухпай на три дня. Экипажи двух танков вновь построились в сгущающихся сумерках, и Абдулов, оглядев каждого, задал вопрос, готовы ли экипажи к выполнению боевой задачи, на что получил четкий ответ: "Так точно!".

– Если кто не уверен в своих силах, может отказаться, пока есть такая возможность. У нас экипажи взаимозаменяемые. От действия или бездействия одного человека могут пострадать все. Есть желающие? – повторил вопрос командир роты.

– Никак нет! – хором ответили танкисты. Никто не хотел стать трусом и посмешищем в глазах своих сослуживцев.

Затем собрание в штабной палатке, вводные на завтра, 16 октября. Зайти нужно с востока и выйти к северным окраинам станции. В итоге всё сводилось к тому, что действовать по обстановке. Когда совсем стемнело, танки в ожидании утра заняли свои позиции.

Не спалось. Щербаков курил, глядя в ночную темень, спрятав огонек сигареты в кулаке. Сердце порой начинало учащенно биться, потом успокаивалось. Что будет завтра? "По-любому живым не сдамся", – думал Щербаков, чувствуя пальцами патрон сквозь давно не стиранную ткань камуфляжа. Обухов и Кравченко, умаявшись за день при подготовке, такими мыслями не мучились, во всяком случае, они мирно храпели в спальниках на успевшей нагреться трансмиссии. «А может, всё, как в Дагестане, "прокатит", там же в основном мы по боевикам стреляли», – закуривая очередную "Приму" успокаивал себя Александр. Часа в два ночи лейтенант растолкал Кравченко на дежурство, прикрыл за собой люк и провалился в беспокойный сон.

Червленная-Узловая

Построение колонны намечено на 5:30 утра. Обухов, конечно, заснул на посту, всё проспал, и экипаж разбудил пришедший со 172-го сержант Гиринов. 157-й спешно завели и, выехав из окопа, танки направились к месту построения колонны, выхватывая фарами из сумрака кусты, палатки и притаившуюся в окопах технику. У выездного шлагбаума ждал БРДМ разведчиков с сидевшим на нём, помимо контрактников разведвзвода, полковником Чебышевым. За "бардаком" стояли ГАЗ-66 майора Шугалова и два "шишарика" с пехотой в их кузовах. Оставшуюся часть бойцов-мотострелков рассадили на танковую броню.

В 6:00 колонна выдвинулась в направлении Червленной-Узловой. Справа проплыли в предрассветных сумерках темные окраины Старошедринской, сменившиеся густой лесополосой. По левому борту высились стволы почти голых деревьев, за которыми прятался Терек. "Шишарики" и БРДМ продирались по заросшей травой узкой колее, сквозь нависающие с боков ветви. Сзади шли два танка, ломая гусеницами и бортами кусты на обочинах. Порой скрытая деревьями колонна останавливалась и подолгу ждала команды двигаться дальше от полковника Чебышева, уехавшего вперед на БРДМ по ранее проложенному маршруту.

До станции около пятнадцати километров, но часам к десяти утра прошли только две третьих пути. Колонна отвернула от Терека и выехала на давно не паханное поле. С неба, серого от низких осенних туч, изредка срывались мелкие капли измороси. Впереди чернел густой лес, за ним пряталась Червленная-Узловая. В лесу и на его окраинах могли устроить засаду боевики, поэтому пехота по команде выстроилась цепью и пошла в направлении темнеющих вдаль деревьев. В промежутках цепи медленно двигались два танка, готовые в любой момент открыть огонь. Сзади, на большом отдалении, маячили "шишарики" и "бардак" разведчиков.

Чебышев прятался за башней щербаковского танка, вглядываясь в опушку леса через бинокль. Щербаков высунул голову из открытого люка, наблюдая, как пехота, спотыкаясь на невидимых среди густой травы кочках, бредет по заросшему сорняками полю, на ходу срывая перезревшие ягоды паслёна.

В полукилометре от леса цепь по команде залегла в высокой траве, а танк Щербакова, руководимый Чебышевым, продолжил движение вперед. Проехав еще метров пятьдесят, он остановился перед покосившимся забором, сделанным из старых, посеревших от времени жердей. За ним простиралось вытоптанное пастбище и углом выпирала опушка леса. В командирский прицел лес был близко, как на ладони. Никакого движения впереди не наблюдалось, но командир полка, нагнувшись в люк, крикнул наводчику сквозь грохот двигателя: «Наведи на опушку, возьми чуть выше и долбани осколочно-фугасным!»

Кравченко заученными движениями провел все манипуляции, и через несколько секунд прозвучал выстрел. Где-то в середине леса грохнуло, подняв в небо кучу веток, земли и дыма.

«Еще разок, поближе, прямо по опушке!» – вновь прокричал полковник.

Уже ближе столб огня и дыма. В ответ ни единого выстрела. Пехота лежит в траве, курит и ест паслён. Приказ заглушить двигатели и ждать разведчиков, уехавших в сторону Червленной, где их вчера обстреляли на подступах к станции.

Тишина. Лишь ветер шелестит в сорняках и чирикают маленькие полевые птички. Потом далёкая автоматная очередь и два взрыва, один за другим. Через час разведка вернулась с хорошими новостями – «вахов» в Червленной-Узловой нет – ушли, причем только что. Костры рядом с окопами боевиков еще дымились, валялись недоеденные сухпаи. Скорее всего, основные силы ваххабитов покинули станицу накануне, а оставшийся небольшой отряд, увидев приближающиеся танки и пехоту, решил не вступать в бой. Может, боевики подумали, что там не два, а больше танков и не рота, а батальон мотострелков. Немногочисленные жители, так и

не покинувшие из-за войны станицу, спрятались по подвалам и вылезли только после того, как увидели БРДМ с российским триколором на антенне.

– Что там за стрельба была? – спросил Шугалов у вернувшихся разведчиков.

– Да завалили там одного оставшегося. Наверное, чехи его с собой не взяли – ранен был, – начал высокий разведчик-контрактник по кличке Немец. – Мы к окраине мимо камышей пробирались, а он там спрятался и по нам палить начал. Ну мы гранату в камыши кинули. Сержант через пару минут полез туда посмотреть, а этот там лежит, нога перевязана, руку оторвало, а во второй гранату сжимает и дышит так часто-часто, того гляди сейчас "кони двинет". Сержант еще одну гранату туда – и бежать. И всё, капец негру.

– Негру? – удивился Шугалов.

– Ага, негритосу, товарищ майор. Мы сначала подумали, что он обгорел. – Немец протянул зеленый паспорт с гербом иностранного государства Шугалову. – У убитого в кармане нашли. Наёмник, сука.

С паспортной фотографии улыбался молодой чернокожий парень.

Приказа заходить в станицу не последовало – рота окопалась на полтора километра восточнее Червленной-Узловой по обочине дороги. Танки и машины спрятали между кустами и деревьями, разросшимися по берегу арыка, идущего параллельно дороге. Танковый окоп рыть не пришлось, потому что танк как раз по борт скрывался за спуском от обочины к арыку, а за арыком стояла непролазная чаща леса. Пехота окопалась по эту же сторону от дороги. Мелкий дождик начал моросить, навевая тоску, заставляя кутаться в танковый бушлат. Стемнело, всё вокруг окутало туманом и вязкой тишиной до утра.

Пасмурное небо над головой. Низкие тучи медленно плывут на юг, но дождь перестал.

– Товарищ лейтенант, Вас майор Шугалов вызывает, – боец мотострелкового взвода, задрал голову, смотрел на сидевшего на башне Щербакова.

«Чего ему надо? – слезая вниз думал Александр. – Вроде, ничего не накосячил».

– Ну что, лейтенант, – заложив по обыкновению руки за спину и сверля взглядом лицо Щербакова, сказал Шугалов подошедшему строевым шагом Сашке, – бой не удался? Да "вольно" уже. Как служба-то?

– Нормально, товарищ майор, – чуть расслабился Щербаков.

– Нормально? Ну тогда тебе ответственное задание. Вон видишь метров пятьсот по прямой крыша дома среди деревьев?

– Вижу, – лейтенант прищурился, вглядываясь подслеповатыми глазами в расплывчатую желтизну деревьев.

– Разведка наша доложила, что там пасека есть. Ульи стоят рядом с домом. А я смотрю, туда пехота уже "ломанулась", кто-то "инфу" им про пасеку слил.

Щербаков вопросительно смотрел на майора.

– Возьмешь сейчас банки трехлитровые в моём "шишарике" – и срочно на пасеку за медом. Одну можешь себе оставить. Задание понял?

– Так точно, товарищ майор!

Забрав пять трехлитровых банок у водителя шугаловского "шишарика", Щербаков бегом кинулся к своему танку.

«Обух, заводи. – на ходу крикнул лейтенант, – Кравченко, держи банки! Да не разбей!»

Через три минуты танк выскочил из придорожного овражка на грунтовку, переехал её и напрямую через поле помчал в сторону видневшегося среди деревьев домика.

«Кравченко, ты когда-нибудь за мёдом на танке ездил? Вот и я никогда!» – улыбаясь, Щербаков смотрел, как полуразрушенный домик стремительно приближался, а среди синеватых ульев копошилось несколько мотострелков.

Танк, давя гусеницами перезревшие кочаны капусты и проломив хлипкую изгородь, остановился рядом с маленьким, видно давно заброшенным домишком, белевшим потрескавшейся штукатуркой со следами пуль и осколков. В окнах ни одного целого стекла, дверь нараспашку, на крыше остатки битого шифера. Рядом небольшая пасека с десятком крашенных синей краской ульев. Половина ульев уже разломана и пуста.

«Э бля, мабута! Командиру полка один улей оставьте!» – сквозь грохот двигателя закричал Щербаков.

Пехота, то ли не слыша лейтенанта, то ли просто его игнорируя, ломала прикладами уцелевшие ульи, вытаскивая рамки с сотами и отмахиваясь от растревоженных пчел.

«Погодите пять минут, – по внутренней связи сказал Кравченко Щербакову, – сейчас их пчелы закусуют, они сами свалят».

И впрямь, солдаты, успев вытащить несколько истекающих медом рамок, бросились в сторону шумящего за домом арыка, спасаясь от озверевшего роя пчел.

«Пчел нужно дымом окуривать, тогда они кусать не будут, – сказал Щербаков, – у моей бабули на хуторе пасека была».

Рядом с ульями развели костер из поломанной изгороди, накидали в полыхающее пламя сырой травы. Густой белый дым распугал остатки кружащих над разгромленными ульями пчел, и Кравченко с Обуховым смогли спокойно заниматься тем, что выламывали из рамок полные меда восковые соты и заталкивали их в трехлитровые банки и свои армейские котелки. Тем временем Александр обследовал полуразрушенный дом, но, кроме старого тряпья и поломанной мебели, ничего интересного там не нашел. Вскоре вернулась очухавшаяся от пчелиных укусов пехота, подбирая остатки и доламывая последний улей.

«Ладно, задание выполнено, погнажи назад, – Щербаков забрался на башню. – Кравченко, одну банку нам спрячь».

Танк развернулся на заросших сорняками грядках и через поле понесся назад.

Вскоре поступил приказ возвращаться в расположение батальона. К вечеру танки стояли на своих позициях близь Старощедринской.

Терек

«...Командующий объединенной группировкой войск на Северном Кавказе генерал-полковник Виктор Казанцев официально сообщил о завершении начальной фазы войсковой операции в Чеченской Республике Ичкерия. Силы Минобороны и МВД прочно обосновались севернее Терека. Под контролем федералов находится треть территории Чечни, включающая Шелковской, Надтеречный и Наурский районы. Признаком некоторой нормализации обстановки в освобожденных районах стало возвращение домой первых беженцев. Командование категорически отказывается говорить о том, какие задачи будут стоять перед войсками во время второго этапа операции в Чечне. Известно лишь, что вдоль берегов Терека проводится перегруппировка сил...», – вещал диктор программы «Время» с экрана маленького черно-белого телевизора. Замполит 2 МСБ капитан Сергеев, сидя в штабной палатке, смотрел новости о положении дел в Чечне. Изображение дрожало, звук прерывался из-за помех, но общая картина событий была ясна. Капитан делал пометки в своём блокноте, искоса поглядывая на рябивший экран.

- Чего там брешут, Олег? – заглянул к Сергееву начштаба Станкевич.
- На построении расскажу. Всё, типа, "идёт по плану" и "бла-бла-бла".
- Заканчивать всё это не собираются?
- Заканчивать? "Стрижка только начата"...

На построении прозвучал приказ: 4-й мотострелковой роте вместе с 3 танковым взводом выдвинуться на правый фланг и занять оборону на берегу Терека. 1 ТВ решено оставить вместе с 5 МСР при штабе батальона у Старощедринской. 6 МСР со вторым танковым взводом уже давно стояла на левом фланге, контролируя переправу через реку Терек.

Танки 3 ТВ взвода вновь раскидали по взводам 4 МСР, которой командовал недавно получивший "капитана" Дмитрий Кушнирович. Сашкин танк стоял среди высоких кустов и деревьев в трех метрах от крутого обрыва к Тереку, направив пушку на его правый берег, также поросший лесом. Справа расположился взвод старлея Тодорова с заглушим БТРом. БТР затащили в кусты на тропе танком Щербакова. 172-й стоял в двух с половиной километрах вверх по Тереку с мотострелковым взводом, спрятавшись в густой чаще, а 158-й – среди многовековых деревьев километрах в трех вниз по течению с другим взводом.

Пока Щербаков маскировал танк высохшим плющом и ветками, Кравченко с Обуховым по очереди принялись копать землянку рядом с высокой раскидистой осиной – утром на построении сказали: стоять придётся долго. Судя по утренней речи замполита Сергеева, с тыла к нам вряд ли кто сунется, левый берег наш. Впереди холодный Терек, и до другого берега от ста до двухсот метров, так что уже не так беспокоило по ночам, лишь не дают спать расплодившиеся "бэтэры". Еще речная сырость и начавшиеся ночные заморозки. Костер ночью не разведешь – тебя видно, а ты, как крот, слепой. На ночь танкисты пост не выставляли – надеялись на пехоту, отсутствие противника в тылу и закрывающий впереди Терек.

Приказано экономить горючее, поэтому танки не заводят и на холодной трансмиссии не поспишь. Чтобы хоть как-то согреться ночью, Кравченко с Щербаковым плотно закрывали люки, ставили на казенник затвора пушки таганок с белой таблеткой сухого горючего. Таблетка горела желто-синим пламенем, постепенно нагревая воздух в тесной башне. Становилось чуточку теплее, но потом начинала болеть голова от недостатка выгоревшего кислорода. К тому же существовала опасность, что нечаянно задетое сухое горючее может упасть внутрь конвейера, и тогда неизвестно что случится.

Привыкший к холодам, пермяк Обухов спал в своем отделении механика-водителя, задрав люк и накрывшись найденным в доме пасечника пледом. Спалось ему удобнее остальных членов экипажа – он спал лёжа, положив голову на съёмную спинку сиденья. Кравченко

и Щербакову приходилось спать сидя, примостившись на своих узких, неудобных местах. Сашка, закинув ноги в грязных берцах на пулемёт ПКТ, всю ночь ворочался, постоянно просыпаясь от холода, затекающих мышц и кусающих вшей. Землянку пытались рыть в нескольких местах, но всю землю переплели корни кустов и деревьев, так что танкисты бросили это занятие, надеясь, что стоять тут, всё же недолго.

День начинался с того, что экипаж вылезал из холодного танка и разминал застывшие за ночь конечности. Если светило солнце и не шёл дождь, все принимались выискивать в складках одежды и давить осточертевших "бэтэров". После такой процедуры завтракали сухпаем и начинали выполнять задачи, поставленные по танковой радиостанции Абдуловым, с комроты выходили на связь по определенным часам. А задачи поступали разные – почистить пушку и одеть на неё чехол, почистить ПКТ, НСВТ, автоматы, замерить масло и дизтопливо, проверить крепления КДЗешек на бортах и башне, догрузить конвейер подвезенными со склада РАВ снарядами-зарядами. Но большую часть времени экипаж занимался своими личными делами, то есть ничем особо – давили неистребимых "бэтэров", писали письма домой, смотрели на мутный Терек. Ни телевизора, ни радио, ни газет. Что происходит в мире, в Чечне? Что будет дальше? Когда домой? Никто не мог дать ответов на эти вопросы, постоянно крутящиеся в голове.

Через пару дней доели последний сухпай, а новый всё не везли. Из еды осталась только картошка, раздобытая где-то запасливым Кравченко еще до отъезда на Терек. Сигареты закончились, питьевая вода во фляжках тоже. Спустившись по обрывистому берегу к воде, набрали фляжки прямо из Терека, закинув внутрь по несколько таблеток обеззараживающего пантоцида. Пехота также сидела без сухпая и воды, надеясь, что сухой паёк и сигареты вскоре привезут. Кто-то из солдат додумался глушить рыбу, кидая в реку или близлежащие арыки наступательные РГД-5, но толку от этого было мало.

Испекли картошку в костре, пригласили Серёгу Тодорова. Съели всё с остатками галет. Обухов сделал отвар из ягод терна, вместо сахара мёд с пасеки.

Ближе к вечеру Тодоров позвал Щербакова к себе.

– Саша, держи – Сергей протянул Щербакову большой кусок мяса, обернутого газетой.

– Нифига себе! Откуда?

– Да там корова на mine подорвалась, – махнул в сторону Старощедринской Тодоров, – не пропадать же.

В неожиданно своевременную смерть коровы Щербаков не особо поверил, но мясо взял.

– Серёга, вечером приходи на ужин.

– На ужин? Спасибо, приду.

В цинке из-под 5,45 нажарили мясо с картошкой. Оставшееся мясо обильно обваляли в соли, коей Кравченко тоже припас целую пачку, и спрятали в недоделанной землянке. Комвзвода Тодоров принёс полторашку с плескавшейся на дне прозрачной жидкостью.

– Спирт с водой разведённый остался чуть, – сказал Сергей, – нам на двоих по сто «фронтальных» граммов как раз.

Уселись на трансмиссии, расстелив спальный мешок. Выпили. Повеселело, и жизнь не казалась уже такой тревожной и унылой.

– Санёк, а можно я в танк залезу? Ни разу в танке не сидел.

– Давай. Лезь на место наводчика, а я на место командира.

Большой Тодоров сначала в бушлате пытался пролезть в люк – не получилось.

– Вот поэтому в танкисты таких мелких и худых набирают? – сняв бушлат и наконец протиснувшись в люк, сказал Сергей.

– Наверное, поэтому. Наливай!

Обухов с Кравченко сидели у спрятанного в ямке тлеющего костра, пили терновый отвар, обсасывая медовые соты.

– Сейчас бы тоже, граммов по сто, – Кравченко посмотрел на чокающихся железными кружками лейтенантов.

– Ага, – Обухов задумчиво ворошил угольки сырой веткой.

Вскоре костёр совсем погас, а офицеры еще долго разговаривали в темноте, вспоминая мирную жизнь.

Весь следующий день вытягивали 172-й танк из размокшей береговой трясины. Экипаж 172-го, состоявший из дембелей Гирина, Марченко и Стеценко, чувствовал себя вольготно и расслабленно вдаль от командира роты. На командира взвода лейтенанта Щербакова они вообще большого внимания не обращали. Экипаж находился в распоряжении командира 4 мотострелковой роты Димы Кушнировича, стоявшего с одним из своих взводов на изгибе реки, среди редкого леса. Мотострелки окопались по берегу Терека, но вскоре на дне окопов начала хлюпать грязь от просочившейся воды. В результате оборудовали новые огневые точки повыше, на бугорках и пригорках, замаскировав их ветками. Танковый окоп отрыли слишком близко к берегу, и постепенно он заполнился речной и дождевой водой, доходившей до верхних поддерживающих гусеницу катков. Самостоятельно танк выбраться из окопа не смог, сев на брюхо и всё глубже увязая в мокрой земле.

За помощью к Щербакову послали механика Вову Марченко. Пока тот добрал до щербаковского танка, пока завели и доехали назад – уже полдень. Пытались тянуть одним 157-м – порвали трос, но увязший танк так и остался в плену грязного окопа. Поехали за 158-м, стоявшим в пяти километрах от 172-го с другим мотострелковым взводом на берегу Терека. Только совместно двумя танками удалось вытащить помогавший им 172-й, который позже отрыл себе окоп подалеже от берега. На своё место вернулись под вечер голодные, грязные и уставшие. На ужин решили дожарить оставшуюся картошку с вчерашним мясом.

«Такое ощущение, что его грыз кто-то, – сказал Кравченко, отрезая кусочки обваленного в соли мяса. – Надо дыру в землянке посильнее заделать. Слышали, по ночам то ли волки, то ли шакалы воют? Может, это они, а может, лиса».

Дыру заделали, но ночью неведомое животное разворошило замаскированную ветками щель и утащило остатки мяса.

Сырость и холод сделали своё дело – у Щербакова поднялась температура, бил озноб. Целый день Сашка пролежал на броне, завернувшись в спальный мешок, пытаясь согреться под осенними лучами теперь не такого горячего солнца. К счастью, на следующее утро, 22 октября, МТ-ЛБу медвзвода объезжал позиции по Тереку.

– Т-тридцать восемь, – поглядев на градусник, сказал прапорщик-медик Слава Румянцев, – в батальон тебе н-надо, отлежаться, – чуть заикаясь продолжил он.

– Как же я танк брошу? – Щербаков кивнул в сторону сидевших на броне Обухова и Кравченко.

– Да ничего с ним не случится, вон Тодоров приглядит.

– А что я Абдулову скажу?

– Я сам скажу, поехали, – Слава спрыгнул в пожухшую сырую траву и зашагал к своему "мэтэлу".

Еще по дороге в батальон Румянцев надавал Сашке каких-то таблеток.

В батальоне, выходя из медицинской палатки, Щербаков наткнулся на майора Шугалова.

– Ты что тут делаешь, лейтенант?

– Да приболел, товарищ майор.

– Может тебя в госпиталь отправить? Отлежишься там, отстираешься, а то вон какой худой, комбинезон весь в грязи.

– Не надо, товарищ майор, комбинезон я постираю, а отлежусь в Волгограде. Мы же скоро домой?

– Ну смотри, – Шугалов, не ответив Сашке на вопрос, зашагал в сторону штаба батальона.

Видимо, от славинных таблеток стало получше, но в батальоне Щербаков не задержался, успев посмотреть всего пару фильмов на "видаке" в штабной палатке. Абдулов "выгнал" лейтенанта назад на позицию, попросив Румянцева снабдить Сашку лекарствами.

«Лечись амбулаторно», – сказал командир роты на прощанье. И Щербаков с пачкой таблеток поехал назад на "шишарике", развозившем сухпай по позициям.

Благодаря таблеткам, через пару дней от простуды не осталось и следа.

В понедельник, 25 октября, приехал ГАЗ-66 хоззвода с передвижным автоклавом для прожарки военной формы от вшей и медицинский МТ-ЛБу. На поляне установили небольшую душевую палатку. Перед помывкой прапорщик Румянцев лично проводил осмотр солдат на наличие кожных заболеваний и педикулеза. Педикулез, а именно платяные вши, были у всего личного состава. Далее бойцы отдавали свою форму на прожарку и направлялись в душевую палатку. Щербаков искупался тоже. На всё про всё не больше пятнадцати минут – очередь. Но какой это кайф, помыться после нескольких недель без горячей воды! Вытираться и одеваться пришлось в холодных сырых кустах, но после долгожданного горячего душа это уже мелочи.

Следующим вечером, когда закат догорал в темнеющем небе, на "шишарике" прикатил командир 4 МСР Дима Кушникович с двумя "телохранителями" – здоровенными бойцами, увешанными оружием и боеприпасами.

– Саня, мне тут тодоровский взвод доложил, что на противоположном берегу какое-то шевеление в кустах. Ты ничего не замечал? – спросил Дмитрий у Щербакова.

– Не, не замечал.

– Ты не против, если я с твоего танка покорректирую огонь своим минометчиком? На той стороне "стопудово" наших нет.

Кушникович залез в танк на место наводчика, Щербаков на место командира. Сзади к башне прильнул старлей Тодоров.

– Может, с танка долбануть по тому берегу? – Дмитрий подмигнул Александру.

– Да куда там долбить? Просто по деревьям? Тем более у меня разлет осколков до двухсот метров, а тут до берега не более ста.

Настроили радиостанцию на частоту 4 МСР, и в сгущающейся темноте начался минометный обстрел вражеской территории. Периодически раздавался взрыв среди деревьев противоположного берега, затем долетал противный свист мины. Кушникович по радиостанции корректировал огонь минометчиков, наблюдая, как разрывы приближаются к кромке воды. В ночной прицел видны только ярко-зеленые вспышки, больше никакого движения. Наконец одна из мин разорвалась прямо посередине Терека, взметнув столб брызг и осколков. Офицеры за долю секунды юркнули в люки, Тодоров бросился на трансмиссию, прячась от свистящих над головой кусочков смертоносного металла.

– Хорош на сегодня, – высунув голову из люка, сказал Кушникович, – может, вам показалось, Серега?

– Да что-то мелькало, – неуверенно поднял голову Тодоров, – хрен там разберет, что за деревьями.

Вокруг стояла оглушающая тишина, даже птицы умолкли. Вечерняя заря погасла на западе, и первые звезды загорелись на черном бархате неба.

– Ну вы всё равно наблюдайте, – на прощанье сказал Дима, сев за руль своего 66-го. – Если что, я всё время на приёме на этой частоте, – добавил он и, треща ветками кустов в темноте, медленно покотился в сторону своего расположения.

Конец октября, но солнце днем греет достаточно сильно, чтобы оставаться в одном "комке". Пользуясь теплой погодой, Щербаков снял верх куртки и штанов зимнего танкового комбинезона и целый час отдраивал грязную материю обувной щеткой, выполаскивая одежду в холодном Тереке. Затем развесил всё сушиться на стволе танка. К вечеру комбинезон высох, от тщательного трения превратившись из горчичного в ярко-желтый.

Слухи о том, что 2-му МСБ на замену скоро придет новый батальон из Волгограда, разгорались и вновь затихали. Откуда-то появлялись даты вывода батальона из Чечни, маршруты выдвижения на погрузку и даже номера воинских подразделений, "спешащих" на замену, но замена всё не приходила.

Ночами стало еще холоднее. Щербаков надел на ноги две пары носков, благо берцы 42-го размера позволяли, однако ноги всё равно мерзли. В вырытой позади танка яме разводили костер, надеясь, что с противоположного берега его не видно, и полночи грелись у огня, подбрасывая сырые ветки в потрескивающее пламя. Затем залезали в танк, закрыв люки, зажигали таблетку сухого горючего, пытаясь заснуть в призрачном тепле, но сон был обрывистый – полностью отключиться мешал холод и заедающие "бэтэры". Прожарка, которой пытались уничтожить насекомых, не помогла – всю одежду за один раз прожарить не получилось, вши жили не только в "сменке" (у кого она имелась), но и в спальных мешках. Утром ломило всё – затекшие мышцы, суставы, особенно замерзшие колени. Вылезая из люка на прохладный осенний воздух, Щербаков вспоминал школьную байку про актера Джеки Чана. Тот якобы весь переломанный на съёмках фильмов с восточными единоборствами, не мог самостоятельно подняться с постели.

Так жили до тех пор, пока днем 2 ноября не приехал Шугалов.

– Щербаков, у тебя "комбез" что ли новый? – издали увидев Щербакова, спросил Шугалов.

– Постирал, товарищ майор.

– Собирайтесь. Буду назад ехать – пристраивайтесь за мной в колонну. Танки забираю в расположение штаба батальона, – майор запрыгнул в ГАЗ-66.

– Домой, на погрузку?

– В лес, на "зачистку"...

Командир танковой роты Олег Абдулов сидел за рычагами танка № 153 и гусеницами валил деревья в ближайшей лесополосе. Это делалось для того, чтобы противник не смог незаметно подобраться к расположению батальона и внезапно напасть. Абдулов поначалу заартачился, мол, почему танки опять не по прямому назначению используют, но потом плюнул – против приказа командира батальона не попрешь, и сам сел за рычаги, чтобы аккуратнее всё сделать и не повредить борта. Солнце жарило не по-осеннему, и сползавший на глаза шлемофон Олег снял во время короткой передышки. Теперь из люка механика-водителя торчала его коротко стриженная голова, обдуваемая приятным ветерком. Трещали поломанные ветки, заглушаемые ревом дизельного двигателя. Наезжая гусеницей на очередной ствол, Абдулов не заметил, как толстая ветка соседнего дерева зацепилась за борт танка, изгибаясь дугой. Танк двигался дальше, пока ветка не сломалась и, отскакивая от дерева, со всего маху ударила по голове лейтенанта. Олег на мгновение потерял сознание, но тут же пришел в себя и остановил танк. Вылез, держась за окровавленную голову.

– Кайдалов, давай доделай тут всё, – Абдулов, шатаясь, спрыгнул на высохшую осеннюю траву.

– Товарищ лейтенант, вам в санчасть надо!

– Я сам, доделай!

В санчасти Абдулову зашили рану, перебинтовали голову, медик Слава накормил какими-то таблетками и велел отлеживаться в медицинской палатке – сто процентов сотрясение.

«Нет, пойду на трансмиссии отлежусь, на воздухе», – сказал упрямый Абдулов.

С трудом Олег добрался до своего танка, залез на трансмиссию. Голова кружилась и трещала по швам, тошнило, весь мир качался, как будто лейтенант лежал на плоту, плывущем по бушующему морю. Он вновь потерял сознание, провалившись в небытие.

Ночь. Абдулов проснулся от непонятного рокота, словно рядом раздувают меха кузнечной печи. Голова болит, но не так сильно. Олег чуть приоткрыл глаза. Первое, что он увидел – блеснувший в лунном свете большой православный крест с распятым на нем Иисусом Христом.

«Помер, – мелькнула мысль в затуманенном мозгу Абдулова, – здорово меня "приложило". Но что это за рык, хрип?» Луна обозначила контуры огромного длинноволосого человека, лежащего рядом. Крест с толстой цепью свешивался с его могучей груди, издающей этот звук. Человек открыл глаза и уставился на лежащего рядом лейтенанта.

– Ты кто? – еще ничего не соображая, спросил Абдулов.

– Батюшка. Отец Александр, – приподнявшись на локте, ответил человек, у которого помимо длинных волос оказалась еще и торчащая лопатой густая борода.

– Отпевать будете?

– Да Господь с тобой! Я к вам в батальон приехал, в палатке спать не захотел, а мне сказали, на твоём танке можно переночевать.

– Я уж думал, что я умер, – с облегчением вымолвил Олег.

– Рано умирать, сынок. Впереди целая жизнь!

Отец Александр, или батюшка, как часто его называли, ездил по батальонам и ротам, раскиданным по горящей Чечне, словом божьим помогая попавшим на войну пацанам, исповедовал, причащал, крестил солдат и офицеров. Многие здесь, среди огня войны, вспомнили о Боге. Во втором батальоне, как и везде, куда приезжал батюшка Александр, шли на исповедь, некрещенные просили, чтобы их окрестили. Умирать никто не хотел и не собирался, но у большинства возникало желание носить православный крест на груди, а если и умереть, то с ним, как христианин. Многие солдаты из батальона проходили обряд крещения в специально выделенной для этого палатке. Батюшка окрестил нескольких человек из танковой роты, и теперь они поблескивали на утренних умываниях новенькими серебряными крестиками. Щербаков с приехавшим с переправы за заправщиком Кругловым тоже пошли к отцу Александру за крестами, но крестики закончились.

Уже несколько дней танк Щербакова стоял в ранее вырытом окопе под раскидистой осинкой. Опять ежедневные построения на плацу, обслуживание вооружения, техники и ночные дежурства. На Тереке без пристального присмотра командира роты жилось гораздо лучше. На обещанную Шугаловым "зачистку" пока не ехали, ждали внутренние войска, собиравшиеся проводить основную часть операции.

После одного из построений оклемавшийся от удара веткой Абдулов вызвал Щербакова к себе.

– У тебя в школе что по сочинению было?

– Пятерка.

– Отлично! У нас в роте кучу чего списать надо – потерялось, или, как говорят в армии, проебалось, – подавая большую синюю тетрадь Александру, сказал командир роты. – Это журнал боевых действий 2-го мотострелкового батальона, а это – он протянул листок с длинным списком, – имущество танковой роты, которое необходимо списать. Просто так написать, что

имущество потерялось, мы не можем. А списать его можно, только если оно утеряно или утрачено во время боевых действий или каких-либо экстремальных ситуаций. Вот и сочиняй что-нибудь более-менее правдоподобное. Можешь поглядеть, что другие "писатели" в журнале уже написали. Для начала накидаешь на черновике и мне покажешь, потом отредактируем и тогда в журнал перепишешь. Всё ясно?

– Так точно! – Щербаков взял журнал БД и список. – Разрешите идти?

Фантазия "писателей" была безгранична. Читая журнал БД, сторонний человек решил бы, что 2 МСБ с самого Дагестана с боями прорывается сквозь несметные полчища врагов. Потерянное имущество подрывалось на минных полях, горело при внезапных нападениях и тонуло при переправах под обстрелами. На самом деле большая часть всего этого просто терялась при переездах, выкрадывалась солдатами в других подразделениях, чтобы восполнить потери своего имущества, которое менялось или продавалось местному населению. Почитав опусы пехотных крючкотворцев, Щербаков большую часть имущества "сжег" в некогда принадлежавшем танковому батальону Урал-4320, сгоревшем еще в Дагестане при не совсем удачной рекогносцировке Шугалова, часть "утопил" при переправе через глубокий арык, оставшееся "сгорело" при ночном "обстреле" близ Новошедринской.

– Оценка "пять с минусом"! – прочитав черновик Щербакова, сказал Абдулов.

– Почему с минусом?

– Чтобы было к чему стремиться. Можешь переписывать в журнал БД.

5 ноября – День военного разведчика. На построении руководство батальона поздравляло разведчиков, треть из них являлись контрактниками, захватившими первую чеченскую, а некоторые и войну в Афганистане. В строю разведвзвода между начищенных берцев вертелась маленькая лохматая собачонка по кличке Тёща – талисман разведчиков, приехавшая с ними еще в Дагестан и сопровождавшая их повсюду. По поводу Дня разведчика организовали спортивный праздник, на нём бойцы из различных подразделений соревновались в беге, подтягивании на турнике, прыжках в длину и тому подобному. Из танкистов отличился механик Эмиль Кайдалов. Коренастый башкир Кайдалов во время соревнования по борьбе победил такого же низкорослого широкоплечего корейца Александра Цоя. Поначалу рядовой Цой обиделся на Эмиля, тоже ведь хотел выиграть схватку, но со временем они стали друзьями, как-никак одним видом спорта до армии занимались.

На следующий день была назначена зачистка. Подошли долгожданные части внутренних войск, ВВ-шников, или "вованов", как их обычно называли. Юго-восточнее расположения 2 МСБ находился большой лесной массив, там могли скрываться боевики. Его и предстояло зачистить. Зачистка планировалась проводиться силами ВВ, а 2 МСБ блокировал по периметру лес, упирившийся с юга в реку Терек. Рано утром колонна из "шишариков" и четырех танков выдвинулась в сторону чернеющего на востоке леса. Щербаков, высунувшись по пояс из люка, смотрел, как впереди занималась алая заря. Особого беспокойства в душе он не испытывал, почему-то в голове сидело "прокатит", как с Червленной-Узловой, да и вероятность, что "чехи" выйдут прямо на тебя из такой огромной чащи, довольно минимальна.

Колонна становилась всё меньше, машины останавливались, бойцы прыгали на остывшую за ночь землю и принимались окапываться, занимая оборону вокруг леса. С востока чащу блокировали "вованы" и танки второго танкового взвода под командованием старшего лейтенанта Круглова. Танку Щербакова «выпала честь» охранять кунг с командиром батальона Бельским и замкомполка Шугаловым. Урал комбата вырулил на широкую поляну, глубоко вдававшуюся в лесную чащу. За ним приказано ехать 157-му и 172-му танкам и занимать там оборону, направив секторы обстрела в сторону леса.

172-й под командованием сержанта Акунина вырыл окоп сначала для кунга, затем для 157-го, потерявшего отвал в горах Дагестана, а ближе к полудню и себе, метрах в трехстах от

щербаковского танка. Танки заняли оборону по краям поляны, ближе к середине стоял Урал в окопе и БТР внутренних войск. В кунге организовали командный пункт совместно с командованием ВВ-шников. Вероятность прорыва боевиков на этом участке, по обрывочным репликам, доносившимся из открытой двери кунга, очень мала, да и само их нахождение в лесу под большим вопросом. Так или иначе, "вованы" начали шерстить лесной массив, надеясь выгнать предполагаемого противника на занявших оборону 2 МСБ и части ВВ.

О том, что проводится зачистка, можно только догадываться – время перевалило за полдень, но в воздухе не донеслось ни одного выстрела, лишь пение птиц и шелест ветра в пожелтевших и большей частью опавших листьях.

Поели сухпай, Акунин сфотографировал щербаковский экипаж на дешевый плёночный фотоаппарат-мыльницу, надеясь, что когда-нибудь пленку проявит и сделает фотографии. Тишина и покой. Старые отцовские часы "Луч" остановились, и ни тряска, ни подзаводка так их и не оживили.

К вечеру объявили об окончании операции. Боевиков не нашли, а может, они смогли небольшими группами уйти за Терек. В результате части батальона, участвовавшие в зачистке, на закате вернулись в своё расположение, не сделав ни единого выстрела, и вновь заняли оборону на своих позициях.

Буквально через пару дней поступил приказ о выдвижении батальона на новый рубеж – район станицы Шелковская. Начались спешные сборы. Батальон сворачивался, покидая обжитое место. 4 МСР и 6 МСР, занимавшие оборону по берегу Терека, оставляли свои позиции, стягиваясь к командному пункту 2 МСБ. Второй танковый взвод вернулся без своего командира, старшего лейтенанта Круглова. Вадим уехал «на дембель» с первой машиной, направлявшейся в Дагестан, а оттуда на поезде в родной Волгоград. Попрощаться с танковой ротой он так и не успел. В 1 ТР из офицеров остались только командир роты лейтенант Абдулов и командир третьего танкового взвода лейтенант Щербаков. Первым и вторым танковыми взводами командовали дембеля сержанты – офицеров на замену лейтенанту Круглову и дембелю нувшемуся еще в Дагестане старлею Прошкину до сих пор не пришло.

На сборах не обошлось и без происшествий. Мотострелковое отделение 6 МСР, окопавшееся рядом с Терекком, собирало свои пожитки, вытаскивая нехитрый армейский скарб из своей большой, крытой стволами деревьев землянки. Последней вытащили печку "буржуйку" и погрузили на стоящий рядом в окопе "мёртвый" БТР-70. «Пацаны, нужно землянку взорвать, чтобы "чехам" не досталась», – доставая гранату РГД-5, сказал один из солдат мотострелков и направился к темнеющему в земле проёму. В это время в полутьме землянки пытался найти что-то из своих вещей его зазевавшийся сослуживец. Краем глаза он увидел залетевшую внутрь гранату и за долю секунды успел прикрыться валявшимся под ногами бронежилетом. Прогрел мел оглушительный взрыв, разметав вокруг ямы бывшей землянки накрывавшие её ветви и стволы деревьев. На дне лежал окровавленный, но еще живой боец, прижимая к груди спасший ему жизнь бронежилет. Раненого срочно увезли в госпиталь, в журнале БД написали, что боец 6 МСР был ранен в результате ночного нападения противника, метателю гранаты дали хорошенько по шее и увезли в военную прокуратуру.

Гребенская

9 ноября колонна 2 МСБ выдвинулась в направлении станицы Шелковская. С грунтовой дороги техника поворачивала на разбитое шоссе и держала путь на восток. Танки с пересевшими на их броню мотострелками вновь тащили "мёртвые" БТРы. За ними тянулись "шишарики", Уралы, КраЗы-заправщики и гусеничные САУшки артобатареи. С пасмурного неба порой срывался мелкий дождь, по-осеннему холодный и противный. Проехав по асфальту около двадцати километров, колонна зашла в станицу Шелковскую – административный центр Шелковского района Чечни. Головная часть остановилась около небольшого малолюдного рынка, закрывавшего свои прилавки и киоски и вскоре совсем опустевшего. По правой стороне давно не отремонтированной дороги стояли одноэтажные дома, многие из них казались заброшенными, слева тускло поблескивало рябью на ветру темное озеро.

4-й МСР и приданному ей 3 ТВ поступил приказ пока оставаться на месте, а вся остальная колонна повернула направо и углубилась в станицу, добывая гусеницами и колёсами остатки асфальта пустых улиц. Температура снижалась, ветер усиливался, унося в сторону озера опавшие листья и придорожный мусор. Укрываясь в башне от мелкой измороси и ожидая дальнейших указаний, танкисты доели остатки сухпая.

К трем часам дня, когда небо стало совсем серым, показался ГАЗ-66, на нём приехал майор Шугалов. Он о чем-то недолго поговорил с капитаном Кушнировичем, тыча в карту пальцем и показывая рукой дальше на восток, а затем умчался в обратном направлении.

– Саня, следуешь со своими тремя танками за мной, а там на месте будем смотреть, где кто стоять будет, – сказал Дмитрий.

– А мы что, не со всеми стоять будем? – Щербаков бросил взгляд в сторону скрывшегося в конце улицы "шишарика".

– Нет, пока не со всеми.

Остаток колонны, состоявший из 4 МСР и 3 ТВ, миновал опустевший рынок, проследовал мимо домов с закрытыми ставнями и вскоре оказался на другой окраине станицы. За танками на тросах волочились два БТРа с заглушенными двигателями. Впереди показался изрешеченный пулями жестяной щит с выгоревшей на солнце надписью "Добро пожаловать в станицу Гребенская. Основана в 1740 г." и окраины той самой станицы. Но техника, миновав пустой блокпост, свернула влево на грунтовую дорогу. Еще километра полтора вглубь, и рота начала занимать круговую оборону в чистом поле, заросшем мелкой сырой травой.

Под руководством Кушнировича технику танкового взвода раскидали на удалении друг от друга, придав мотострелковым взводам. В приближающихся сумерках танки принялись окапываться, мотострелки – рыть окопы и ставить большую ротную палатку. Танку Щербакова окоп отрыл 172-й, укатив затем к себе на позицию. Очень хотелось есть, но сухпай закончился, оставалось только курить сигареты, чтобы заглушить голод. Полетел первый снег, подгоняемый усиливающимся ветром. Температура упала ниже ноля. Танкисты не глушили танк, вылезли наружу и грелись на трансмиссии в потоках горячего воздуха. Костёр развести не из чего – вокруг ни деревца. Пехота, согреваясь, жгла пустые ящики от боеприпасов и что-то оставшееся от разобранных на Тереке землянок.

В сгущающейся темноте приехала полевая кухня. Обухову с Кравченко удалось принести в котелках порции овсяной каши с еле заметным запахом тушенки и по полкружки чая без сахара. Пока несли, ужин остыл в морозном воздухе, но всё холодным съели и выпили в рекордно короткие сроки.

Наступила ночь. Снег летел и летел, покрывая всё вокруг белым покрывалом. Вдали мерцали редкие огни Шелковской, впереди еле видимы тусклые окошки окраины станицы Гребенская. Нужно экономить горючее, поэтому танк периодически глушили, сидели с закрытыми

люками, пытаясь согреться. Когда от холода изо рта уже шел пар, вновь заводили двигатель, и его тепло постепенно проникало из моторного отсека в башню. Среди обрывков сна Щербаков включал прибор ночного видения, вращая командирской башенкой, пытался рассмотреть что-нибудь среди зеленых мельтешащих снежинок, но только еле заметные огоньки Гребенской мерцали сквозь несущийся снег.

Утром Щербаков откинул командирский люк. Морозный воздух ударил в успевшую остыть башню. Вокруг простиралось снежно-белое поле. Даже черные колеи, намешенные вчера гусеницами и колесами, спрятаны под утихим к утру снегом. В паре сотен метров зеленела ротная палатка, находившаяся в центре круга занимаемой ротой обороны. Повсюду виднелась занесенная снегом техника в открытых наспех окопах. На построении мотострелковой роты приказали окапываться дальше – пехоте продолжать рыть окопы, перекрытые щели и землянки, танкистам помочь отрыть укрытия для остальной техники и тоже делать землянки для экипажей.

– Ну чего эту землянку рыть, товарищ лейтенант, – Кравченко сделал недовольное лицо. – Завтра опять куда-нибудь сдернут, а тут землю мерзлую долбить. А вообще, пехота говорит, что нас через восемь дней менять будут. Типа уже даже эшелон в Кизляре под нас стоит.

– Ладно, – неуверенно сказал Щербаков. – Сегодня не копайте, а там поглядим. Пока окоп для танка сделайте нормально.

День закончился, солнце село за Шелковскую. Вокруг ночь, лишь ветер гудит в танковой антенне. Невдалеке от 157-го окопалось мотострелковое отделение с БТРом. "Мёртвому" бронетранспортеру окоп вырыл один из танков. Щербаковский экипаж прятался от холода в своём Т-72, как можно реже заводя двигатель – сэкономили горючее, которого оставалось всё меньше. Надеялись, что пехота выставит посты, но те тоже пытались согреться в наспех вырытой землянке и на пост практически не выходили. Ночь прошла без выстрелов и происшествий.

Утро выдалось морозным и солнечным, ветер стих. Объявили срочное построение роты и танкистов – в расположение прибыли командир 20 мотострелковой дивизии генерал-майор Акимов, командующий воздушно-десантными войсками генерал-майор Шпак и их сопровождение. Приехали они на нескольких БМД и проверенных в тяжелых условиях ГАЗ-66. Комдив говорил что-то о боевом взаимодействии войск, о необходимости перенести все тяготы и невзгоды воинской службы. Однако из речи генерал-майора, произносимой перед выстроенной ротой, стало понятно одно – контртеррористическая операция продолжается и 2 МСБ в Чечне еще минимум на три месяца. Роте необходимо закрепиться на данном рубеже и держать круговую оборону с готовностью выдвинуться по первому приказу командования.

– Копайте землянки, – с плохо скрываемой обреченностью в голосе сказал Щербаков танкистам, построив третий взвод после того, как Шпак с Акимовым уехали и рота разошлась по своим боевым позициям. – Стоять долго будем, слышали.

– А чем их крыть, товарищ лейтенант? – вызывающе сказал командир 172-го сержант Гирин. – Вокруг голое поле, ни дерева, ни досок.

– Да и вообще мы уже дембеля, нас еще в конце октября должны были домой отправить, а уже 10 ноября! – в тон ему добавил наводчик Степенко.

– Ну, про дембель я вам ничего сказать не могу. Замена ваша приедет, и сразу отправят, – сказал лейтенант. – А насчёт того, чем землянки крыть, поговорю с капитаном Кушнировичем. Пока просто копайте, чтобы три человека смогли поместиться.

К обеду температура поползла вверх. Снег, еще недавно лежавший белым покрывалом, стал стремительно таять, обнажая черные колеи и грязь с пробивавшейся сквозь неё жесткой пожухлой травой. Щербаков сидел на башне танка, грелся на выглянувшем солнышке и

задумчиво курил, глядя как Кравченко с Обуховым копают землянку. Уже вырисовывалась яма метра два на три. Механик по пояс скрылся в будущей землянке, кидая наверх комья рыжей глины, наводчик нагребал вокруг ямы бруствер. Земля еще не успела промерзнуть, поэтому копалось легко.

– Чем крыть будем, товарищ лейтенант? – Кравченко прихлопывал лопатой сырую землю бруствера.

– Сегодня с пехотой едем на "мародёрку", там чего-нибудь наберем. Иди к нашим танкистам, скажи, что с каждого экипажа по человеку.

К полудню погода начала портиться, солнце всё чаще скрывалось за низко летящими облаками. В термосах привезли обед из расположения штаба 2 МСБ. Ели под открытым небом, прячась от осеннего ветра в окопах и за бортами техники.

После обеда у ротной палатки стояли три "шишарика" – Кушнирович выделил машины на доставку стройматериалов, нужных для перекрытия крыш землянок. По имеющейся информации, на другой окраине Гребенской есть недостроенная ферма. Ферма стоит на отшибе, поэтому местные рядом появиться не должны, претензий никто не предъявит, пока бойцы будут "мародёрить" – добывать доски, бревна, шифер – всё, чем нужно и можно накрыть землянку.

Небо затянуло тучами, дождя нет, но воздух сырой и холодный. Колонна выехала на асфальт и двинулась в сторону станицы. В крытых брезентом кузовах сидели солдаты четвертой роты с командовавшим ими старлеем Тодоровым и трое танкистов с лейтенантом Щербаковым. В ногах позвякивали пилы, топоры и гвоздодеры. По пустынной улице колонна промчала вдоль одноэтажных домов, прятавшихся за зелеными заборами, и вскоре оказалась на другой окраине села. Вновь свернув на проселок, машины направились к белевшем вдали постройкам фермы.

Ферма представляла собой несколько коровников, недостроенных, а может, просто наполовину растащенных, и пустое двухэтажное здание из красного кирпича с голыми стенами и темными проемами окон. За местностью приказали следить водителям шишариков, остальные кинулись на поиск стройматериалов. Всё, что можно приспособить для строительства землянок, отпиливалось, отламывалось, вырывалось и отдиралось от полуразрушенной фермы. Бревна, бруски, ДВП, ДСП, полиэтиленовую пленку, фанеру стаскивали в кучи – каждое подразделение или экипаж в свою. Смеркалось, когда всё, что успели добыть, стали грузить в машины. Забив кузова до отказа, бойцы погрузились на своё добро сверху, и машины тронулись в обратный путь.

Ехавший последним в колонне "шишарик" с сидевшим на пассажирском сиденье Щербаковым чуть съехал на обочину и остановился.

– В чем дело? – спросил Александр у солдата-водителя.

– По-моему, колесо пробило, – солдат спрыгнул на землю.

– Этого еще не хватало. Темнеет уже, – глядя вслед удаляющимся фонарям колонны, сказал лейтенант, – И что делать?

Переднее левое колесо действительно сдулось. Боец вновь запрыгнул в кабину.

– Тут кран подкачки заржавел, открыть не могу, донесся голос водителя, – Надо «тормозухой» на него полить.

Тем временем стремительно темнело. Оказаться ночью в незнакомой местности без боеприпасов мало приятно. У каждого из пяти оставшихся на "шишарике" бойцов автомат с одним магазином на 30 патронов, и всё. Подсумки с запасными магазинами с собой не брали – надеялись вернуться засветло, а днем вроде всё тихо. Вдали на окраине зажегся первый фонарь. Щербаков с тревогой оглядывался по сторонам – со всех сторон чистое поле, сзади чернеет разоренная ферма. Когда, наконец?

Раздалось шипение – отмоченный тормозной жидкостью кран был наконец открыт, и шина стала наполняться воздухом.

«Поехали давай, на ходу докачаешь!» – запрыгивая в кабину, крикнул Александр.

Нагруженный доверху "шишарик", медленно набирая скорость, направился к окраине станицы.

Стройматериалы разгружали при свете фар, ругались где чьё, доходило даже до драки, в итоге всё растащили по своим подразделениям, выставив на ночь часовых больше не от врагов, а от своих, чтобы ночью не украли привезенное друг у друга. Кравченко с Обуховым по очереди дежурили на танковой трансмиссии, завернувшись в спальник и сквозь сон поглядывая на лежащую рядом с недорытой землянкой "намародеренную" кучу.

На следующее утро после завтрака и общего построения 4 МСР и 3 ТВ рытьё землянки продолжилось. Углубившись метра на полтора, Обухов выкопал ведущие вверх ступеньки. В противоположном конце землянки оставили земляной выступ-лежанку, с полметра высотой, на нём могли спать двое человек. Вниз спустили печку-буржуйку, поставив её недалеко от будущего входа, установили на неё жестяную трубу. Сразу над ступеньками установили ящик без дна от танковых снарядов – дверь в землянку. Дверь больше походила на танковый люк, так же откидывалась вверх. Сбоку в бруствер, на котором будет лежать крыша, почти горизонтально вкопали прямоугольный осколок стекла – окошко. После обеда самое главное – поперек ямы танкисты накатали досок, застелили кусками полиэтилена, обрезками фанеры и сверху начали накидывать землю, оставив торчать лишь огрызок печной трубы. Чем больше Кравченко с Обуховым кидали земли, тем сильнее прогибалась крыша землянки.

– Кравченко, а не рухнет всё это? – с сомнением глядя на прогнувшуюся крышу, спросил Щербаков.

– Да не должно, товарищ лейтенант, – Кравченко кинул еще пару лопат.

– Ну вы как хотите, а я что-то боюсь в такой землянке спать. Пойду в ротной палатке переночую.

Устав мерзнуть по ночам в танке, Щербаков пошел в палатку четвертой мотострелковой роты, попросился у Кушнировича переночевать. В палатке гораздо теплее – топилась пара "буржук", да и куча солдат, что называется, "надышала", но были и минусы – всю ночь раздавался храп десятков бойцов, кто-то постоянно ходил, задевая за ноги, в воздухе стоял запах пота и давно немых солдатских тел. Кроме того, "бэтэры" также не давали спать.

Утром Щербаков подошел к холмику своей землянки, с дымящей из него трубой. На танке он никого не обнаружил – оба бойца сидели в землянке.

– Вы чё, офигели? Танк стоит без охраны! Вам самим-то не страшно? – повысил голос Щербаков.

– Да мы только утром зашли погреться, – вылезая из землянки и протирая сонное лицо, сказал Кравченко, – по очереди всю ночь на танке дежурили.

За Олегом Кравченко вылез заспанный и как всегда чумазый Толик Обухов.

– Я смотрю, крыша держится еще, – Щербаков кивнул на не успевшую слежаться землю.

– Да чего ей будет, – Кравченко взял лежащую рядом лопату, – можно еще земли подкинуть, чтобы теплее было.

Наводчик кинул всего пару лопат в самую середину земляного холма, тонкие доски затрепщали под тяжестью грунта и вся крыша рухнула в яму землянки, засыпав печку-буржуйку, спальники и автоматы.

Пришлось всё заново откапывать, класть посередине более толстые доски и напиленные в дальней посадке кривые стволы деревьев. Снова и более основательно сделали перекрытие и засыпали землей.

Теперь землянка стала надежной. Внутри землянки от танковых аккумуляторов тянулась проволока-полёвка, на конце её тускло светила 24 ваттная лампочка. В углу стоял ящик от тан-

ковых зарядов с установленными в нем автоматами. Щербаков с Кравченко по ночам спали на узком земляном топчане, накрыв его спальными мешками, а Обухов, свернувшись калачом, – на лежанке из двух снарядных ящиков возле буржуйки. Однако в темное время суток всё равно кто-либо из танкистов дежурил в танке, периодически включая ночной прибор видения и оглядывая пустынную местность вокруг. Вскоре в теплой землянке завелись мыши, шуршащие по ночам и порой пробегающие по спящим телам танкистов.

Потекли однообразные дни. Утром общее построение, доведение боевой обстановки и развод по местам несения службы. Дела до обеда, обед, дела после обеда, общее вечернее построение, пароль на ночь, и так по кругу.

4 МСР развернула свою полевую кухню, и теперь можно поесть горячее. Утром чай и подгоревшая каша. Удача, если в перловке или овсянке окажется маленький кусочек тушенки. В обед жидкий суп и опять каша с рыбными консервами или тушенкой, вечером вновь каша и чай. Хлеб тоже привозили, но мало, в основном сухари или галеты.

Порой в 4 МСР приезжал командир танковой роты Абдулов на своей "Танюше", проверял боеготовность 3 ТВ, как всегда указывал на недостатки, давал кучу заданий по обслуживанию танков и вооружения. Изредка за указаниями в танковую роту ездил Щербаков, когда туда шла машина из 4 МСР. Первый танковый взвод, один танк второго танкового взвода и танк ротного занимали круговую оборону совместно с 2 МСБ на юго-западных окраинах Шелковской. Станицу от батальона отделяли два километра давно заброшенных полей. За редкими деревьями, растущими по берегам арыков, чернели крыши станицы Шелкозаводской и села Харьковское. Два танка 2 ТВ совместно с 6 МСР охраняли переправу через Терек в семи километрах от Шелковской. Танкисты 3ТВ по очереди съездили в батальон, помылись и отстирались в бане-палатке.

Однажды со стороны КПП раздались предупредительные автоматные выстрелы в воздух. К роте подъезжал серый ментовский УАЗик, из него вверх взлетела зеленая ракета – свои. Машина с питерскими номерами и дырками от пуль на лобовом стекле остановилась возле ротной палатки. Милиционеры, приехавшие на УАЗе, оказались омоневцами из Санкт-Петербурга. Попросили Кушнировича посодействовать – дотащить танком жилой вагончик до блокпоста, видневшегося в километре отсюда. Помочь вызвался Щербаков, хотя знал, что Абдулов бы такое не одобрил – тот за свои танки кого угодно удавить готов и лишний раз не давал ими пользоваться как тягловой силой, но приходилось. Поехали на 157-м. На окраине Шелковской зацепили тросами брошенный ржавый вагон на железных полозьях, в таких обычно живут строители, и дотащили его до блокпоста на выезде из станицы. В благодарность омоневцы угостили экипаж папиросами "Беломорканал", Александру подарили черный омоневский берет. Потом пили в наскоро оборудованном вагончике спирт, разбавленный водой, заедая свежеприготовленным шашлыком. На стене висел похожий на знамя генерала Бакланова самодельный черный флаг с белым черепом, костями посередине и надписью по кругу "Санкт-Петербург ОМОН".

Слухи о том, что 2 МСБ будут менять, возродились с новой силой. Все только и говорили о выводе. Щербаков разлиновал на кусочке клетчатого листка календарь на три месяца. Ноябрь, декабрь и январь, надеясь, что январь здесь лишний. По последней непроверенной информации – батальон должны выводить из Чечни 27 ноября. А сегодня уже 16-е, совсем скоро. Квадратик с цифрой 27 Александр закрасил желтым карандашом. Календарь он приклеил по углам зубной пастой к фанерке. На ней, прилепленные аналогичным способом, висели ещё три листочка – "Список л/с, проживающего в блиндаже", "Ведомость закрепления оружия за л/с" и "График несения службы". Вдобавок командование батальона приказало нарисовать и прикрепить "Боевой листок". Его, как и всю другую документацию, нарисовал Щербаков –

наводчик с механиком сослались на неумение рисовать и корявый почерк. На других танках с горем пополам документацию сделали члены экипажей. Больше всех, как всегда, возмущались дембеля 172-го танка: «Нам уже давно в дембельском поезде нужно ехать и водку бухать», – говорили они, но в конце концов заставили всё необходимое изобразить механика Марченко.

Задания, необходимые для выполнения на технике, экипажи исполняли неохотно, особенно экипаж 172-го танка. Дембеля, отслужившие уже два с лишним года, не хотели ничего делать и Щербакова практически не слушали, мотивируя это тем, что приказ об их демобилизации давно вышел и они тут находиться не должны. Но и экипаж 158-го, стоявший далеко от командирского 157-го, особо рвения не проявлял. На 158-м служили "деды", отслужившие полтора года и чувствующие, что как только дембеля уедут домой, то рулить остальными солдатами во взводе будут они. На 157-м служили "черпаки" – отслужившие по году Кравченко с Обуховым и находившиеся под постоянным наблюдением лейтенанта. Дембеля хотели домой, "черпаки" и "деды" ждали "слонов" – бывших "духов", прослуживших полгода. Без постоянного присмотра Щербакова 172-й и 158-й наладили контакт с местным населением из Гребенской и потихоньку стали менять им солярку на сигареты, вино и брагу.

Но заданий назначалось мало, да и Щербаков лишний раз не напрягал экипажи, не до этого. Было очень одиноко и тяжело на душе – настоящих друзей рядом нет, никакой моральной поддержки. Пехота сама по себе, в танковой роте из командиров взводов остался он один, Абдулов только и делал, что ко всему придирался и держал Александра на расстоянии, солдаты выполняли приказы молодого лейтенанта "из-под палки", зная, что лейтенант служит всего неполных пять месяцев и к тому же не кадровый офицер, а "пинджак". Крепко подружился Александр только с омовцами, но к ним на блокпост попадал очень редко. Питерские милиционеры для Щербакова – открытые, добродушные люди, готовые помочь и поддержать в трудную минуту, от них никогда не хотелось уезжать, но приходилось. Узнав, что денег в батальоне не платят, они скинулись и уговорили Щербакова взять сто рублей – купить себе что-нибудь на рынке или позвонить домой. Да и вообще, что будет дальше? Кругом идет война, то и дело вдали слышны глухие раскаты взрывов, а по ночам на горизонте полыхает зарево пожаров. Что будет с батальоном, будут его менять или кинут куда-нибудь в горы, а может, на Грозный?

Каждый вечер, сидя в темной землянке, Щербаков зачеркивал крест-накрест клетку прошедшего дня, порой шепча старую солдатскую поговорку: «День прошёл, и хрен с ним», и в который раз считая, сколько дней осталось до желтой клетки – "вывода" батальона. Но желтая клетка вновь переносилась вперед – новые слухи, новые даты, сначала на середину, потом на конец декабря. Скоро Новый 2000 год. Где он его будет отмечать и будет ли? Тоска и безысходность.

Тем временем дембелей-мотострелков начали менять. Среди дня без предупреждения пришли два ГАЗ-66 с "молодняком", недавно закончившим "учебку" и привезенным очередным эшелоном в Чечню. Вместе с "молодыми" в батальон прибыла пара десятков контрактников, решивших "подзаработать" – деньги обещали хорошие. Машины приехали неожиданно, чтобы у дембелей не осталось времени что-либо из вооружения захватить с собой на "гражданку" или продать-обменять местным, ведь концов потом не найдешь. Дембелей пересчитали, собрали закрепленное за ними оружие, быстро погрузили в эти же машины и отправили сначала в расположение штаба батальона, затем с ближайшей станции Червленная-Узловая эшелоном домой. Железнодорожная ветка проходила недалеко от занявшей оборону 4 МСР, и через несколько дней эшелон с дембелями проходил как раз по ней. Случилось это среди дня, и бывшие военнослужащие, узнав знакомые места, высунулись из окон, махая руками и что-то крича сквозь стук колес. В ответ оставшиеся дослуживать свои месяцы бойцы 4 МСР принялись палить в воздух из автоматов трассерами, пускать в небо ракетницы, устроив прощальный салют дембелям. Дембельский экипаж 172-го тоже пострелял в воздух, но больше от злости – замены танкистам до сих пор не пришло.

Еще в Дагестане, перед началом боевых действий, всем военнослужащим батальона выдали медпакеты, в них, помимо бинта и резинового жгута, лежал маленький шприц-тюбик промедола. Промедол обладал сильным обезболивающим эффектом и облегчал боль при ранении – его нужно вколоть (можно прямо через одежду) в место рядом с раной. Периодически шприц-тюбики пересчитывали, так как помимо обезболивающего, промедол являлся еще и наркотическим средством и служил заменителем героина или других наркотиков. Факты пропажи шприцев участились с приходом контрактников, многие из которых оказались алкоголиками и наркоманами. Хитростью, угрозами такие контрабасы-наркоши забирали промедол у солдат-срочников и использовали его не по назначению – кололи себе, чтобы "поймать кайф". В использованный шприц затем набиралась обычная вода и возвращалась назад срочнику. Теперь шприц становился не только бесполезен, но и нес угрозу заражения, зато его можно посчитать при ревизии.

Узнав о таких делах, Щербаков забрал промедол у своего экипажа и, сложив все три шприца в футляр вместе со своими очками, положил во внутренний карман камуфлированной куртки.

«Если что, шприцы в футляре, – сказал он Кравченко и Обухову, – пусть лучше у меня лежат – целее будут».

У других экипажей своего взвода шприцы он не стал забирать, понадеялся на здравый ум танкистов, да и танки всё время стояли порознь, а обезболивающее должно находиться всегда при себе, или хотя бы у одного из членов экипажа.

25 ноября. 11 лет Питерскому ОМОНу, но Щербаков, приглашенный на празднование, так и не попал на блокпост – какие-то текущие дела, экономия горючего, а пешком одному далеко и небезопасно. К тому же жилище без присмотра нельзя оставлять – кто-то во время отсутствия экипажа пробрался в землянку и украл подаренный омовцами берет, ранее висевший на стене в изголовье топчана. Чтобы хоть как-то отвлечься от тяжелых мыслей, лейтенант решил воплотить в жизнь свою давнюю задумку – сделать знамя казачьего генерала Бакланова, под которым он воевал с чеченами в далеком девятнадцатом веке. Из сумки, лежащей в командирском ЗИПе, Александр достал черные "семейные" трусы, выданные ему на вещевом складе еще летом сердитым прапорщиком Зарифуллиным. Трусы оказались огромные, явно не Сашкиного размера. Раскроив их и сделав максимально большой прямоугольник, обшил его черными нитками по периметру. Затем самое интересное и ответственное – белой масляной краской, оставшейся от надписи "Танюша", нарисовал в центре череп со скрещенными костями и надпись на старославянском по кругу "Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь." Когда краска высохнет, Щербаков думал прикрепить его на высокую танковую антенну, а пока повесил в землянке сушиться.

Суббота 27 ноября, приехал заправщик КраЗ с дизтопливом для танков. В этот день Щербаков должен гулять свидетелем на свадьбе у товарища в своём далеком родном городке. Об этом договорились еще по весне, когда Сашка и не подозревал, что "загремит" в армию. Сегодня, вместо того чтобы веселиться, он, весь в грязи, пропахший солярой, вместе со своими бойцами лазил по танкам, сначала замеряя количество оставшегося горючего, потом отслеживая, сколько его залили. Такая вот "свадьба". Вечером привезли уголь для буржеек, и лейтенант вместе с экипажем таскал его к своей землянке, насыпав в кусок брезента.

На следующий день поехали с Димой Кушнировичем в штаб 2 МСБ, Кушнирович по своим делам, Щербаков получать задания от своего командира роты. Рынок в Шелковской жил своей жизнью, словно нет никакой войны, по улицам шли дети со школьными ранцами, работали киоски. На обратном пути заехали на телеграф, наконец-то Щербаков дозвонился домой. Минут десять разговаривал с родителями, на счастье, оказавшимися дома. В телефон-

ной трубке гуляло эхо, так как связь шла через спутник, однако всё равно все были рады слышать друг друга. Но что расскажешь за десять минут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.